

Протоиерей Николай Балашов,
протоиерей Игорь Прекуп*

История эстонского православия и попытка ее недобросовестной ревизии:

О книге архимандрита
Григория Папатома «Несчастье быть
маленькой Церковью в маленькой стране»

Сборник статей архимандрита Григория был в 2007 г. издан в Таллине Свято-Платоновской православной богословской семинарией¹ в качестве 1-го тома заявленной серии изданий «История и богословие» на двух языках — эстонском и русском². Академический характер издания, а также солидный послужной список автора — декан Свято-Платоновской семинарии, профессор Свято-Сергиевского богословского института в Париже, президент Европейского форума православных богословских школ, член ряда научно-исследовательских сообществ — позволяли надеяться, что, открыв книгу, читатель обнаружит добротный церковно-канонический анализ коллизий эстонского православия и получит, во всяком случае, пищу для размышления и возможной дискуссии. Увы, реальность разочаровывает. Труд отца Григория изобилует искажениями исторической и канонической правды, а также оскорбительными проявлениями открытой враждебности по отношению к Русской Православной Церкви, включая и грубые личные нападки на покойного ее Предстоятеля — Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Почивший Первосвятитель в последние месяцы своей жизни успел ознакомиться с этой книгой и признался, что поражен той концентрацией неправды и ненависти, которую в ней встретил. Патриарх Алексий был на редкость сдержанным человеком, что хорошо известно всем лично его знавшим. И все же при своей последней встрече с митрополитом Стефаном, главой структуры Константинопольского Патриархата в Эстонии и автором предисловия к книге отца Григория, Святейший Патриарх не мог не выразить свое

* © Балашов Н., 2011

Николай Балашов, протоиерей, заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата.

© Прекуп И., 2011

Игорь Прекуп, протоиерей, клирик Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата.

недоумение в связи с публикацией этой работы. Упомянутая встреча состоялась в октябре 2008 г. в алтаре собора св. вмч. Георгия на Фанаре, куда Патриарх приехал, преодолевая смертельную болезнь, — жить ему оставалось менее 2 месяцев, — движимый стремлением к сохранению и укреплению единства мировой православной семьи.

Анализ произведения архимандрита Григория не очень благодарная и интересная задача. Есть в жизни много более привлекательных занятий, да и просто более насущных дел. Однако долг памяти по отношению к глубокочтимому почившему Предстоятелю побуждает сказать честное и прямое слово о книге, ранившей его сердце. Думаем, что в этом заключается и наша обязанность по отношению к «народу Эстонии, любящему правду», как гласит посвящение отца Григория в его книге, снабженной претенциозным подзаголовком: «Богословская правда о православной Церкви Эстонии». К написанию этого критического отклика нас подтолкнул и тот факт, что при личной встрече с одним из авторов в Софии в 2009 г. сам архимандрит Григорий (представлявший на общеправославном совещании уже Элладскую Церковь) сказал, что был бы рад прочесть отзыв на свою работу, поскольку честная дискуссия всегда способствует установлению канонической и богословской правды. Да будет так.

В мысли о необходимости ответа нас укрепил в одном из своих выступлений Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Предстоятель выразил уверенность, что в настоящее время нужен прежде всего «строгий научный труд, который призван доказать всем очевидную, но весьма энергично сегодня оспариваемую историческую истину о том, что православие в Прибалтике — это плод миссионерской деятельности Русской Православной Церкви... Лишь только по стечению трагических обстоятельств в первой половине XX века... православная Церковь в Эстонии оказалась в юрисдикции Константинопольского Патриархата. И это короткое время не может быть использовано (для того), чтобы оправдать постоянное пребывание константинопольской юрисдикции в Эстонии в качестве законной, исторически оправданной и канонически достоверной». Отметив, что «противная сторона уже написала свою версию истории», Патриарх указал: «Настало время обратиться к этой теме и нам»³.

В чем же несчастье?

«Несчастье быть маленькой Церковью...». Какое-то противоестественное словосочетание, странно звучащее для слуха христианина! Начиная свою церковную жизнь в безбожном Советском Союзе, мы хорошо сознавали собственную принадлежность к отовсюду теснимому общественному меньшинству. Мысли о численном величии нашей Церкви, в те годы самой многолюдной из Поместных Православных Церквей, признаться, не приходили тогда в голову. И уж, во всяком случае, не они придавали нам силы жить и сохранять свидетельство Иисуса Христа (Откр 12. 17). Нашу надежду мы возлагали на обетование, данное малому стаду, которому Отец благоволил дать сокровен-

ное Царство (Лк 12. 32), неподвластное атеистической диктатуре; на то, что и ныне Бог оставляет между нами остаток из немногих, может быть, тысяч мужей, колени которых не преклонялись пред Ваалом и уста не лобызали его (3 Цар 19. 18). И в те годы, и теперь, в сильно изменившихся внешних условиях церковного бытия, нам было и по-прежнему остается предельно ясно, что «быть Церковью» Христовой, принадлежать к ней — ни с чем не сравнимое счастье, высокая честь и незаслуженное достоинство, в какой бы по размеру общине, в какой бы из малых или великих стран ни выпала эта доля христианину.

Вероятно, отец Григорий все же хотел подчеркнуть другое: церковная структура Константинопольского Патриархата в Эстонии, о которой идет речь в книге, в самом деле малочисленна. С этим трудно спорить. Несмотря на то что в результате событий 1990-х гг. и проявленных тогда политических усилий она владеет большей частью храмов Эстонии — и владеет на признанных государством правах законной собственности, — по количеству верующих все приходы константинопольской юрисдикции многократно уступают Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата, донныне остающейся временным арендатором значительной части используемых ею церковных зданий. Согласно официальным данным Министерства внутренних дел Эстонской Республики, численность православных верующих московской и константинопольской юрисдикций составляет около 200 тыс. и 27 тыс. человек соответственно⁴. Если эта статистика и неточна, то едва ли подправлена «в пользу Москвы». Непосредственные наблюдения за численностью молящихся в храмах, за частотой богослужений заставляют усомниться и в наличии (или, по крайней мере, в церковной активности) и тех прихожан, которые фигурируют в данных Siseministeerium, еще в 2000 г. выглядевших более скромными: около 18 тыс. человек.

Но почему же так получилось? Как помочь нашему брату архимандриту Григорию в переживаемом им «несчастье»? Наверно, для этого следует обратиться к истокам эстонского церковного разделения, которое привело к появлению на канонической территории Московского Патриархата новой православной организации, находящейся под омофором Предстоятеля иной Поместной Церкви. Судьба «быть маленькой Церковью» стала участью этой общины в результате того, что простой верующий народ в большинстве своем не пошел за инициаторами раскола эстонского православия в последнем десятилетии XX в., не поддавшись и самому жесткому давлению националистических политиков, готовых ради достижения конъюнктурных целей грубо вмешиваться в область религиозной жизни и нарушать общепризнанные человеческие права.

Приходится порой слышать возражение, что такое соотношение численности верующих является следствием национальной катастрофы, постигшей Эстонию в 1940-х гг., когда после массовой эмиграции ее граждан, в том числе митрополита Александра, 22 клириков и множества православных мирян, сюда в изобилии прибыли «мигранты» из других частей тогдашнего СССР.

Действительно, мы не должны забывать о драматических событиях 1940-х гг., когда в Эстонию пришла советская власть со всеми вытекающими отсюда последствиями. Произошло существенное сокращение численности населения за счет того, что одни успели эмигрировать из страны⁵, другие были депортированы в Сибирь, заключены в концлагеря или расстреляны⁶, не говоря уже о павших на полях сражений Второй мировой войны с обеих сторон. За этим последовало неизбежное увеличение числа некоренных жителей за счет тех людей, которые прибыли в Прибалтику с бескрайних просторов Советского Союза, многие из них не по своей воле. Среди переселенцев были и православные люди, которые сохранили веру в условиях страшных гонений 1920-х и 1930-х гг. Они продолжали ее исповедовать и переселившись в Эстонию, где становились членами приходов Эстонской Православной Церкви, которая после 17-летнего пребывания в каноническом подчинении Константинопольского Патриархата в 1941 г. восстановила общение с Русской Православной Церковью; в военные годы она разделилась на две части, одна из которых связь с Русской Церковью прервала, а в 1945 г. вновь объединилась в Эстонскую епархию Московского Патриархата, на предстоящие 47 лет лишившись предоставленного ей свт. Тихоном еще в эпоху первой Эстонской республики автономного статуса. В этом вынужденном решении невозможно винить священноначалие Московского Патриархата, обреченное действовать в СССР с учетом своего несвободного положения в условиях тоталитарного атеистического государства.

Напомним, однако, что, как только государственная независимость Эстонии была провозглашена вновь, по инициативе Московского Патриархата начался процесс восстановления автономного церковного статуса эстонского православия. Процесс завершился в 1993 г., когда Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II вручил предстоятелю Эстонской Православной Церкви епископу Корнилию томос о восстановлении автономии. И это решение, конечно, охватывало всех православных верующих страны без всякого их разделения по этническому или политическому принципу. Однако высшие представители Эстонского государства, опираясь на немногочисленную раскольническую группировку, с одной стороны, и на поддержку Константинопольской Патриархии — с другой, инициировали в эстонском православии раскол.

Сегодня апологеты этого трагического разделения, причинившего много боли православным верующим, интерпретируют историю эстонского православия примерно в таком духе: Русская Церковь, пришедшая на штыках оккупантов, поглотила Эстонскую, но последняя, находясь в ее составе, «яко Иона во чреве китове» (Иона 2. 1; Мф 12. 40), как только изменилась политическая ситуация, вырвалась на свободу. Ни века распространения православия в Эстонии именно Русской Церковью, ни формирование ею канонического бытия эстонского православия, которое именно в лоне все той же Русской Церкви к 1920 г. оформилось в автономную Церковь, ни основоположный принцип церковного строительства, согласно которому в спасенном Богом новом народе «нет ни эллина, ни иудея... но все и во всем Христос»

(Кол 3. 11),— все это не принимается во внимание; более того, в грехе «этно-филетизма»⁷ архимандрит Григорий и единомысленные ему авторы не устают, как это ни удивительно, упрекать именно многонациональную Русскую Церковь!

За основу церковного самосознания при зарождении раскола был принят концептуальный шаблон, сформулированный государственным законом об иностранцах⁸, которым в начале 1990-х гг. все общество Эстонии было остро и болезненно разделено независимо от национальности на правопреемных граждан (чьи предки были гражданами Эстонии до 1940 г.) и «всех прочих», кому на определенных условиях предоставлялась возможность получить натурализацию. По этому шаблону лица, ответственные за разделение Церкви, в союзе с государственными чиновниками пытались выстроить и церковную жизнь. Логика была следующей: есть в нашей Церкви правопреемные члены, чьи предки состояли в ней до 1940 г., а есть «прочии человецы» (Лк 18. 11), которые «понаехали» после присоединения Эстонии к СССР.

Достоин внимания то обстоятельство, что 29 апреля 1993 г., когда на Соборе в Пюхтицком Успенском монастыре Святейший Патриарх Алексий II вручал епископу Корнилию томос о восстановлении автономии Эстонской Церкви, зачинщики раскола проводили в таллинском Преображенском соборе свое альтернативное «собрание членов приходов апостольско-православной Церкви граждан Эстонской Республики» (Eesti Vabariigi kodanike Apostliku Õigeusu Kiriku koguduste liikmete koosolek)⁹. Название, отражающее мирское искажение церковного самосознания в этой группе: Церковь граждан... Св. Павел, как мы знаем, в известных обстоятельствах напоминал о своем статусе римского гражданина (Деян 16. 37; 22. 25–29); но мыслимо ли представить апостола языком основателем или членом «Церкви римских граждан», отделенных от социально неполноценных рабов и варваров? Дух мира сего — вот мировоззренческая основа смуты, породившей «несчастье быть маленькой Церковью в маленькой стране».

К сожалению, принцип деления членов Церкви по национальному признаку нашел тогда поддержку в письме Святейшего Константинопольского Патриарха Варфоломея от 3 сентября 1995 г. Послание указывало покойному Патриарху Алексию, что малочисленная группа раскольников состоит из «потомков и законных выразителей прежнего большинства православных Эстонии — тех, кто после 45 лет советской оккупации был низведен до положения меньшинства в своей родной стране в сравнении с числом православных русских». Константинопольский Первосвятитель подчеркивал, что «большая численность русских является результатом их массовых переселений в Эстонию в годы советской оккупации», чем, по его мнению, и объясняется «решение подавляющего большинства сохранять единство с Московским Патриархатом». Далее следовали вопросы: «Неужели вам кажется справедливым, чтобы это решение связывало и православных эстонцев, число которых столь печальным образом сократилось в советские годы? Кажется ли вам справедливым, чтобы в их собственной стране решения за них принимало некое

большинство представителей иного народа, массово переселившихся сюда в годы иноземной оккупации? Кажется ли вам справедливым, чтобы православные эстонцы у себя на родине не имели права решать сами за себя?»¹⁰.

Однако эта аргументация показалась неубедительной не только пренебрегаемым переселенцам и их потомкам. Многие из убежденных носителей эстонского самосознания и искренних патриотов Эстонии такому делению по национальному признаку предпочли верность Матери-Церкви и каноническому церковному строю. Подтверждением этого может служить и тот факт, что в очень трудных условиях разделений 1990-х гг. половина клириков эстонского происхождения осталась верна Московскому Патриархату, где они обрели свое священство. Едва ли можно утверждать, что в этом сказались их политические пристрастия. Для них, как и для подавляющего большинства народа Божия, независимо от этнических корней и длительности пребывания в стране, было очевидно, что критерий гражданства Эстонии в качестве основы полноты церковных прав не что иное, как серьезнейшее искажение основоположных норм бытия Церкви, попытка строить духовную жизнь по стихиям мира, а не по Христу (Кол 2. 8).

Значение патриотизма Церковью никогда не принижалось¹¹. Но превыше всех ценностей земных в сознании, сформированном верой, было и остается убеждение, что отечество наше — «на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа» (Флп 3. 20) и где для странников и пришельцев на земле Сам Бог приготовил город (Евр 11. 14–16). В умах же инициаторов эстонской церковной смуты отечество земное противопоставлено ценностям отечества небесного, которое незаметно оттеснялось с его законного места. Произошла опасная духовная подмена.

Эта подмена, увы, получает свое дальнейшее развитие в книге архимандрита Григория. Как мы увидим ниже, автор ее посвятил свои способности не богословскому или историческому анализу, а отстаиванию *ложно понятых* им геополитических интересов Константинопольского Патриархата. Ложно — потому что интересы Церкви не могут противоречить истине; говоря же более частно, интересы Константинопольского престола отнюдь не заключаются в противостоянии Московскому Патриархату. Подлинные и долговременные интересы любой Поместной Церкви не могут входить в конфликт с ценностями небесного жительства и Царства Божия, с самой сущностью Церкви — единой, святой, соборной и апостольской.

Русская Церковь и ее «ереси» перед судом отца Григория

Архимандрит Григорий начинает свое исследование с попытки богословского осмысления взаимоотношений между Поместными православными Церквами в духе халкидонского вероопределения. Сохранение своеобразия Церквей вкупе с их взаимообщением выступают как норма церковной жизни, которой противопоставляются два ее полярных искажения: «автономизация отличия», приводящая к церковному изоляционизму, и «уничтожение

через поглощение своеобразия» (С. 144). Эти рассуждения автора могли бы стать почвой для содержательной дискуссии, если бы не вышеупомянутые *интересы*. Ибо вскоре выясняется, что все эти богословские конструкции устремлены к одной цели: обвинить Русскую Православную Церковь ни много ни мало в искажении халкидонского догмата. Причем уклоняется она от него, по мнению парижского профессора, и направо, и налево, одновременно в обоих направлениях. Если разобраться в сбивчиво изложенных построениях отца Григория, то оказывается, что Русская Церковь (как, впрочем, и другие «национальные Церкви») придерживается «монистической установки» и ориентирована на принцип «этно-эклизиологического отличия народа, который она представляет», это «неизбежно влечет за собой... безразличие к церковному единству и общению». С другой же стороны, Русская Церковь повинна в «поглощении церковного отличия во имя большего моноэтно-церковного единства». По мнению автора, именно такой случай «находит свое полное воплощение в Эстонии, в отношениях между автономной Церковью Эстонии (1923–1945) и Патриаршей Церковью России, начиная с 1945 года; а также в Латвии, в отношениях с автономной Церковью Латвии (1936–1945), также после 1945 года» (С. 145).

Отметим два обстоятельства. Во-первых, соседняя Литва с ее православными, в отличие от двух других прибалтийских государств почему-то вовсе не привлекает внимания автора. Не потому ли, что литовское православие, по крайней мере со времени восстановления единства Киевской митрополии с Московским Патриархатом, никогда не было подчинено Константинополю? Во-вторых, заинтересованность отца Григория православием в Эстонии и Латвии начинается лишь с 1923 и 1936 гг. соответственно. Наш автор не пытается заглянуть в историю Церкви на этих землях ранее обозначенных им сроков. По простой причине: это не служит его интересам.

Напомним, что приведенные даты указывают на границы временной канонической зависимости православных Церквей двух прибалтийских стран от Константинополя. Зависимости, которая стала результатом, с одной стороны, политического давления правительств Эстонии и Латвии (давления, дошедшего в Латвии до убийства правящего архиерея, ибо латвийское православие оказалось в Константинопольской юрисдикции только после и *вследствие* мученической кончины св. Иоанна Поммера), с другой — «уступчивости» части церковного руководства на местах этому давлению.

Такой избирательный подход к церковной истории Прибалтики необходимо восполнить. Существовало ли эстонское православие до 1923 г., а латвийское — до 1936 г.? Как в этих странах образовались автономные православные Церкви? Кто их прежде *насадил* и *поливал* (1 Кор 3. 6)? Кто трудился над тем, чтобы среди представителей титульных наций Эстонии и Латвии православие к XX в. настолько распространилось и укоренилось, что местные автономные православные Церкви справедливо могли именоваться «народными» Церквами¹², а глава Эстонской Церкви по статусу с 1938 г. состоял членом Государственного совета (Riiginõukogu), верхней палаты Национального собрания? В связи с этим нам придется на время оставить тему

экклезиологических проекций халкидонского догмата и предпринять краткий экскурс в историю эстонского православия.

Эстонское православие: история, отраженная в документах

Православие на эстонской земле в течение тысячелетия формировалось в лоне Русской Православной Церкви. Еще в 1030 г. русский князь Ярослав Мудрый основал город Юрьев (Тарту), где были построены православные храмы¹³. Православие утверждалось одновременно с католичеством, пока в XIII в. распространение православной традиции не было насильственно прервано экспансией крестоносцев. Впрочем, в Тарту православные держались до 1472 г., когда были замучены приходской пастырь св. Исидор Юрьевский с 72 прихожанами, а бежавший оттуда в Псков священник Иоанн Шестник (в монашестве Иона) основал Псково-Печерский монастырь, преподобный игумен которого Корнилий проповедовал православие не только эстонцам, жившим в окрестностях монастыря, но доходил до Нарвы, основал приходы в Нейгаузене и в других местах. В XVI в. в Тарту была учреждена епископская кафедра. В 1817 г. создано Ревельское (Таллинское) викариатство в составе Санкт-Петербургской епархии, в 1865 г. включенное в Рижскую епархию.

Активное возрождение православия на эстонской земле пришлось не на XVIII в., как того можно было бы ожидать (вследствие Ништадтского мирного договора) от православной державы, а на середину XIX в. Причем начался этот процесс не по инициативе государя и Святейшего Синода, а скорее *вопреки* воле русского правительства, традиционно опиравшегося в Лифляндии и Эстляндии на власть остзейского немецкого дворянства. Спонтанное движение к православию в среде самих эстонцев, латышей и шведов, несмотря на правительственные утеснения, доходившие до прямых репрессий со стороны местных властей¹⁴, было поддержано лучшими иерархами Русской Церкви. Тогда же по существу начался процесс канонического оформления Латвийской и Эстонской Поместных Церквей: была основана Рижская кафедра (викариатство в 1836 г., самостоятельная епархия в 1850 г.), затем в составе Рижской епархии в конце 1917 г. выделилось Ревельское викариатство, во главе которого (а временно и во главе всей епархии) встал первый епископ-эстонец, сщмч. Платон (Кульбуш) (причислен к лику святых Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 2000 г.). Его епископскую хиротонию совершили 31 декабря 1917 г. в таллинском Александро-Невском кафедральном соборе сщмч. Вениамин, митрополит Петроградский, и епископ Лужский Артемий. Благодаря самоотверженной любви и заботе сщмч. Платона православная церковная жизнь в Эстонии расцвела в самых неблагоприятных условиях. Однако архипастырское служение первого эстонского епископа было недолгим. 14 января 1919 г. красные комиссары Кулль, Рятсепп и Оттер расстреляли его перед отступлением из Тарту. Вместе с епископом Платоном были расстреляны протоиереи Николай Бжаницкий и Михаил Блейве. Их «преступление» заключалось в том, что они

оставались верны своему пастырскому долгу вопреки запрету большевицкой власти на совершение богослужений. Стоит отметить, что в период волнений 1905 г. эти священники спасли многих приговоренных к различным наказаниям, в том числе и к расстрелу. Более того, именно по инициативе отца Николая Бежаницкого Рижский архиепископ Агафангел (Преображенский) издал циркуляр, предписывавший православному духовенству вмешиваться в ход карательных экспедиций, вступаться за людей независимо от их вероисповедания.

В период гражданской войны (в эстонской исторической науке события, происходившие на этой территории, называются «войной свободы») приняли мученическую кончину еще два священника: 25-летний Иоанн (Яан) Петтай и Сергей Флоринский. Первый пострадал в Валге, второй — в Раквере. Сщмч. Сергей сказал на допросе: «Считаю одно: вина моя в том, что я священник, в чем и расписываюсь». В том же могли расписаться и все вышеупомянутые новомученики. Все они, ныне составляющие славу эстонского православия, были, конечно же, клириками Русской Православной Церкви, в ней получили и воспитание, и духовный сан. Нам представляется не лишним подчеркнуть, что и эстонцы — владыка Платон, отцы Михаил и Иоанн, и русские — отцы Николай и Сергей были едины между собой в исповедании верности не только Богу и Его Церкви, но и, в частности, Русской Православной Церкви-Матери. Когда-то Тертуллиан сказал, что «кровь мучеников — семя христиан». Кровь новомучеников эстонских — семя единства эстонского православия. Попытки разрушить это единство не что иное, как попрание их памяти.

Это единство не было никогда фикцией. С самого начала православие в Остзейском крае выступало как опора угнетаемого баронами коренного населения. Быть может, многих привлекла именно открытость православных архипастырей и пастырей к нуждам и скорбям простого народа, потому что это отношение свидетельствовало о живой вере, о жизни во Христе, об Истине, освобождающей внутренне и позволяющей почувствовать себя полноценной личностью, а не второсортным «мужичьем». И настолько убедительно было это свидетельство, что при всех жесточайших гонениях, которые испытали на себе обратившиеся в православие крестьяне, даже зимой стоняемые семьями со своих земель помещиками, при том что царское правительство, заигрывая с баронами, долгое время зачастую предавало своих новообращенных братьев по вере (и это давало повод к издевательствам со стороны помещиков и «благоразумных» ренегатов над их «ошибочным выбором»), большинство все равно осталось верным Матери-Церкви. В этих условиях Русская Церковь в лице своих священнослужителей не оставляла заботой новообращенную паству, заботясь о формировании богослужебной жизни на эстонском и латышском языках и воспитании национального самосознания.

Большое внимание истории православия в Эстонии уделял покойный Святейший Патриарх Алексий II — уроженец Эстонии, посвятивший ей свыше 30 лет пастырского, затем архипастырского служения до своего избрания

на Патриарший престол Русской Православной Церкви. Его любовь к своей «малой родине», как он ее называл, воплотилась наряду с архипастырским окормлением поначалу в докторской диссертации «Очерки по истории православия в Эстонии»¹⁵, а затем в написанной на ее основе книге «Православие в Эстонии»¹⁶. Этот фундаментальный труд — историческое свидетельство в том числе и о внимании, которое Русская Церковь уделяла развитию эстонского православия как своей самобытной в культурном отношении ветви. Православная издательская деятельность широко развернулась в Остзейском крае уже при викарном епископе Рижском Филарете (Гумилевском). Святейший Патриарх Алексей пишет, что «до ноября 1845 г. крестьянам было роздано до 16 000 экземпляров... изданных на местных языках молитвословов, катехизисов и текстов литургий»¹⁷. С 1856 г. на русском, эстонском и латышском языках стал издаваться журнал «Училище благочестия». Богослужбные книги также переводились начиная с 1840-х гг., но процесс шел довольно спонтанно. Чтобы упорядочить издательско-переводческую деятельность в этой области, в 1870 г. епископ Вениамин учредил комитет по переводу богослужбных книг на эстонский и латышский языки. Первой ласточкой стал «Песнопевие православной Церкви», содержащий воскресные и праздничные церковные песнопения на целый год. Затем настала очередь Служебника и Требника¹⁸.

В учрежденном в 1847 г. Рижском духовном училище, преобразованном затем в 1850 г. (непосредственно после учреждения Рижской самостоятельной епархии) при архиепископе Платоне (Городецком) в семинарию, учились дети эстонских крестьян. В основу этого учебного заведения была положена мысль о «взаимном сближении разноплеменных воспитанников при преподавательском языке русском»¹⁹ (в семинарии преподавались также местные языки). По всей Рижской епархии открывались (и долгое время держались почти исключительно на самоотверженности учителей) православные церковноприходские и волостные школы, где крестьянские дети обучались на родном языке, в отличие от прочих учебных заведений Остзейского края, где обучение велось на немецком²⁰. Неоценима роль основанных в 1869–1870 гг. в Санкт-Петербурге прибалтийских православных братств, на средства которых возводились храмы и другие приходские постройки, приобреталась утварь, велась издательская деятельность, а также получали образование многие учащиеся православных школ.

Вернемся, однако, в XX в. и обратимся к началу первой Эстонской Республики. В июне 1920 г. Священный Синод и Высший церковный совет православной Российской Церкви предоставили автономию новообразованной Эстонской Православной Церкви «как находящейся в пределах самостоятельного государства» и с учетом желания самих верующих, выраженного Эстонским временным епископским советом (*Eesti Piiskopkonna Ajutine Nõukogu*)²¹. Еще ранее из среды Эстонской Церкви был избран кандидатом во епископы протоиерей Александр Паулус. 20 октября 1920 г. его избрание было утверждено свт. Тихоном и Высшим церковным управлением Российской Православной Церкви²². В соответствии с решением Священного Синода Россий-

ской Церкви от 21 октября отец Александр по пострижении в рясофор был 5 декабря 1920 г. рукоположен архиепископом бывшим Псковским и Порховским Евсевием (Гроздовым) и архиепископом Финляндским и Выборгским Серафимом (Лукияновым) в сан архиепископа Ревельского и всея Эстонии с принесением соответствующей присяги на верность Московскому Патриарху и всей иерархии Русской Православной Церкви. Решение об этой хиротонии было принято по просьбе Эстонского временного епископского совета высшей церковной властью Русской Православной Церкви еще в ноябре 1919 г.²³ Свт. Тихон был намерен по просьбе Временного епископского совета, а затем Синода автономной Апостольской Православной Церкви Эстонии²⁴ лично возглавить эту хиротонию²⁵, однако разрешение большевистских властей на выезд Патриарха в Ревель получить не удалось²⁶. Поздравляя архиепископа Александра с состоявшейся хиротонией, свт. Тихон выразил надежду, что «дарование автономии Эстонской Церкви послужит залогом преемственности ее на путях устройства Царства Божия в людях» и что ее Предстоятель с помощью благодати Святого Духа сумеет «без потрясений провести корабль церковный среди “напастей” современного житейского моря»²⁷. К сожалению, справиться с этой задачей владыке Александру не удалось. Новообразованное Эстонское государство хотело видеть в независимой республике такие же независимые (т. е. зависимые исключительно от него) религиозные структуры и оказывало в этом направлении политическое давление на Эстонскую Православную Церковь²⁸.

Атеистические гонения и церковная смута в СССР послужили поводом к обращению в 1923 г. архиепископа Александра от имени Эстонской Православной Церкви к Святейшему Патриарху Константинопольскому Мелетию IV (Метаксакису). В своей речи, произнесенной 3 июля в Константинопольской Патриархии, Предстоятель Эстонской Православной Церкви отметил, что еще в 1920 г. «Патриарх всея Руси признал автономию Эстонской Церкви». Но теперь, заявил архиепископ, «для роста и развития Эстонской Церкви жизненно необходимо признание ее автокефалии». Именно такова была цель визита: просить, чтобы Патриарх Константинопольский благословил автокефалию и «убедил других Патриархов Восточной Православной Церкви согласиться» с ним в этом вопросе²⁹.

Надо отметить, что, как свидетельствовали позднее члены приходского совета Печерского храма, предпринятая втайне от духовенства «поездка Высокопреосвященнейшего архиепископа Ревельского Александра летом 1923 года в Константинополь произошла не только без ведома и постановления церковного Собора 1923 года, каковой вовсе тогда не созывался, но и без ведома большей половины членов тогдашнего Синода!»³⁰ Имеются свидетельства о том, что несогласные с позицией архиепископа Александра церковные деятели были весной 1923 г. в административном порядке высланы из Таллина, дабы не создавать препятствий для угодных эстонскому правительству действий контролируемого им иерарха³¹.

Просимой автокефалии Патриарх Мелетий не дал. Однако, ссылаясь на то, что Константинопольский престол «осуществляет каноническое попечение

о церковном устройении православных общин, оставшихся без пастырского окормления», и на то, что «из-за возникших в России церковных нестроений православная Церковь Эстонии оказалась разлученной со святой Российской Православной Церковью, в канонической зависимости от которой она до сих пор состояла», а также принимая во внимание, что «Блаженнейшим Патриархом Московским и всея Руси господином Тихоном святая Православная Церковь Эстонии выделена в автономную», Святейший Мелетий в Патриаршем и синодальном акте от 7 июля 1923 г. без всякого обращения к Московскому Первосвятителю просто переподчинил Эстонскую Церковь себе и своему Синоду, присвоив ей наименование «Эстонская православная митрополия» и потребовав учредить в ее составе 3 епархии³². Случилось все это за несколько дней до бегства Патриарха Мелетия из Константинополя под давлением массовых выступлений верующих, которые были возмущены его антиканоническими новшествами, введенными на завершившемся месяце назад всеправославном конгрессе. Вскоре Патриарх-реформатор был вынужден снять с себя полномочия³³.

Единственная роль, которую сыграл томос Патриарха Мелетия в дальнейшей судьбе эстонского православия, это отделение эстонской паствы от Матери-Церкви. В остальном он никогда не исполнялся. Это касается и требования разделения на 3 епархии, и всех прочих условий, изложенных в документе. В послании митрополита Александра к пастве Эстонской Церкви от 23 сентября 1923 г. говорилось: «7 июля сего года Эстонская Церковь пришла, наконец, к канонически независимому положению. Отныне Эстонская Церковь стала законной частью Церкви Вселенской и носит имя Эстонской митрополии»³⁴. Многочисленные свидетельства современников также говорят о том, что желаемое выдавалось за действительное: в Эстонии митрополит Александр утверждал, что из Константинополя привез разрешение на автокефалию Эстонской Церкви³⁵.

Действия митрополита Александра и томос Патриарха Мелетия вызвали разделение в Эстонской Церкви. Так, приходской совет Александро-Невского собора в Таллине в августе 1923 г. отмечал, что «совесть православных русских людей смущена слухами об объявлении автокефалии Эстонской Православной Церкви, устанавливающейся, по-видимому, без благословения на то со стороны единственного законного главы Российского Патриархата, к коему принадлежит и Эстонская Церковь, Святейшего Тихона»³⁶. Объединенное собрание советов таллинских русских приходов в сентябре постановило, что эти общины «без благословения Патриарха Московского Тихона никаких изменений в формах дальнейшего существования Эстонской Православной Церкви законными признать не могут» и отказываются принять официальное участие в состоявшемся 23 сентября торжественном богослужении по случаю провозглашения церковной независимости³⁷. В ответ митрополит Александр и члены его Синода прибегли к прямой лжи: на встрече с представителями русских общин их заверили, что обращение в Константинополь «и не могло состояться без благословения Патриарха Тихона», а «о совершившемся акте Его Святейшеству Патриарху Тихону сообщено

Константинопольским Патриархатом»³⁸. Русские приходы согласились принимать участие в совместной работе лишь при условии данного им со стороны митрополита Александра и членов Синода обещания (так и не выполненного впоследствии) в том, что на предпринятые преобразования будет получено «положительное решение Патриарха Тихона». В ожидании такового русские приходы эстонской столицы были намерены «стоять на страже всех канонов и правил Вселенской Православной Церкви, сохранить до конца свое сыновнее послушание Патриарху Московскому, без благословения которого в подчиненных ему церквях не могут иметь место никакие основные перемены»³⁹. Не получив от Синода Эстонской Апостольско-Православной Церкви обещанного волеизъявления свт. Тихона, русские общины в Таллине предприняли попытку весной 1924 г. созвать свой съезд и выйти из подчинения митрополиту Александру, но МВД Эстонии запретило проведение этого собрания⁴⁰.

Отчуждение русских усиливалось проявлениями того, что и некоторыми эстонскими клириками воспринималось как «протестантизация православия»: повсеместным введением в богослужение кантов, не являющихся частью богослужебного устава, объявлением о намерении установить орган в Преображенском соборе⁴¹. Массовые протесты прежде всего русских верующих вызывало насильственное введение нового календарного стиля и западной пасхалии, которое обеспечивалось не только решениями Синода, возглавлявшегося митрополитом Александром, но и начиная с 1923 г. действиями местных полицейских властей⁴². А в 1934 г. обязательность нового стиля, несмотря на многочисленные обращения православных русскоязычных верующих, была закреплена принятием государственного закона и постановления министра внутренних дел Эстонии⁴³. Приверженность старому стилю толковалась в эстонской печати как приверженность «контрреволюционности и монархизму»⁴⁴.

Принятый в 1926 г. Устав Эстонской Апостольско-Православной Церкви по всем признакам также соответствовал уставу автокефальной, т. е. совершенно независимой, а не автономной Церкви. Ни в одной из его статей вовсе не упоминается о Патриархе Константинопольском, сказано лишь, что Эстонская Апостольско-Православная Церковь «состоит в братских отношениях со всеми другими апостольско-православными Церквями»⁴⁵. В пришедшем ему на смену Уставе 1935 г. также не говорится о каком-либо подчинении Константинопольскому Патриарху даже в том, что касается утверждения избрания нового Предстоятеля. Константинопольский Патриарх лишь уведомляется об избрании нового митрополита Эстонской Апостольско-Православной Церкви⁴⁶.

Впрочем, такое же извещение митрополит Александр обещал направить и Патриарху Московскому и всея России. Об этом идет речь в письме свт. Тихону от 12 декабря 1923 г. Митрополит Александр также сообщил, что «за священный долг» почитает обязательство «и впредь поминать Ваше имя как законного Патриарха Российского вместе с именем законного Патриарха Константинопольского»⁴⁷. Это письмо, в котором митрополит благодарил Патриарха Тихона за «отеческое содействие» и за его «бывшие о нашей

Церкви отеческие заботы», испрашивая благословения на дальнейшие труды и неуклюже объясняя свой поход в Константинополь тревогой за будущее Эстонской Церкви, «отдаленной от православных центров и как бы вкрапленной в инославную массу», и необходимостью соблюдения «в неприкосновенной чистоте святой православной веры, что особенно важно в нынешнюю трудную для Церкви годину», было получено Патриархом, о чем свидетельствуют собственноручная расписка святителя и уведомление Министерства иностранных дел Эстонии⁴⁸. Данное обстоятельство подтверждает, что ссылки на невозможность поддерживать связь с Русской Церковью, которые приводились как в заявлении архиепископа Александра в Константинополе, так и в томосе Патриарха Мелетия, не были свободны от преувеличения. Приняв под омофор своего Первосвятителя эстонское православие, Константинопольский Патриархат ничего не сделал для его укрепления; ни один из константинопольских иерархов не посещал Эстонию за 17 лет пребывания Эстонской митрополии в его каноническом ведении.

Когда в 1940 г. Эстония была присоединена к Советскому Союзу, митрополит Александр вместе с Синодом Эстонской Православной Церкви рассмотрел на заседании 23 сентября вопрос о восстановлении церковного единства с Московским Патриархатом⁴⁹. Постановке его во многом способствовало уже начавшееся возвращение в Московский Патриархат отдельных русских приходов⁵⁰. Затем был предпринят опрос духовенства о «необходимости изменить и общий строй православной Церкви Эстонии и восстановить прежнее общение с Российской Церковью»⁵¹. С учетом положительных его результатов митрополит Александр предпринял попытки воссоединения.

Поначалу он рассчитывал на то, что события 1923 г. будут покрыты забвением, как если бы никакого нарушения церковных норм не произошло. В своем обращении к Местоблюстителю Патриаршего престола митрополиту Сергию владыка Александр утверждал, что «формального отделения Эстонской Православной Церкви от Российской и не было», поскольку он еще в декабре 1923 г. заверил, что «Эстонская Православная Церковь и впредь будет поминать имя Святейшего Патриарха Тихона»⁵², а «о вступлении в должность каждого нового митрополита Эстонии будет сообщаться Патриарху Российскому, как и Константинопольскому»⁵³.

Однако митрополит Сергей в ответном письме напомнил, что «разрыв с законным кириархом» без «канонически достаточных оснований» может расцениваться «пред судом предания нашей Христовой и апостольской Церкви лишь как самочиние и раскол». 14-е и 15-е правила Двукратного Собора и многие другие грозят суровыми прещениями за «неверность иерархии и клира принятым ими обязательствам и обетам». Поэтому невозможно вычеркнуть из истории «сомнительное предприятие с Константинополем», в которое митрополита Александра увлекли «обстоятельства и всякие внешние давления» и о котором, пишет митрополит Сергей своему адресату, «Вы как будто и забыли». Однако если последует «осознание канонической незаконности совершенного, и сожаление о том, что совершилось, и отречение от этого, и желание возвратиться в союз с Церковью-Матерью, и желание

и обещание оставаться в союзе навсегда», то воссоединение станет возможным.

Митрополит Александр был также предупрежден о невозможности сохранения в то время автономного статуса, который был предоставлен святителем Тихоном в условиях государственной самостоятельности Эстонии. Конечно, митрополит Сергей в обстановке тяжелейших репрессий против Церкви в Советской России не мог говорить обо всем прямо, но в письме ясно давал понять владыке Александру: реальность нынешнего положения Церкви в СССР такова, что «вопрос об автономии... только осложнит наше дело»⁵⁴.

Эти условия, включая вопрос об автономии, обсуждались 17 января 1941 г. на заседании Синода Эстонской Апостольско-Православной Церкви, где рассматривался «вопрос о предстоящем воссоединении Эстонской Православной Церкви с Русской Московской Матерью Церковью». Было решено «вновь просить Матерь Церковь принять Эстонскую Церковь в каноническое общение, покрыв любовью невольный грех отпадения». В отношении отказа от автономии было только выражено пожелание публично не акцентировать эту тему, поскольку «подчеркивание лишения Эстонской Церкви ее автономии может повести к нежелательным последствиям»⁵⁵. Присутствовавший на заседании в качестве представителя Московской Патриархии архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский) был в спешном порядке награжден митрополитом Александром церковным орденом Эстонской Апостольско-Православной Церкви 1-й степени⁵⁶.

После прибытия митрополита Александра в Москву к митрополиту Сергию и просьбы «принять его в молитвенно-каноническое общение с Матерью Церковью», учитывая, что, по словам Эстонского митрополита, «на грех раскола они пошли под давлением б(ывшего) эстонского правительства и только лишь из желания и надежды сохранить православие в Эстонии», чтением разрешительных молитв из чина исповедания и совместным служением Божественной литургии 30 марта 1941 г. «осуществилось на деле принятие Пресвященного митрополита Александра в каноническое общение с Московской Патриархией»⁵⁷. Еще ранее особым решением Священного Синода от 28 февраля 1941 г. подтверждалось, что «язык богослужения — эстонский или славянский» определяется каждым приходом, «причем допускается и совместное пользование обоими языками, например, в порядке очереди по дням или по частям служб»⁵⁸.

После вступления германских войск на территорию Эстонии митрополит Александр вновь прекратил отношения с Московским Патриархатом. По его словам, он принял такое решение по «каноническим и религиозным соображениям», так как «невозможно признавать истинно Христовой и канонически правильной Церковью и осуществлять с ней объединение нынешнюю Московскую Церковь, глава которой заместитель Патриарха митрополит Сергей действует по указаниям и директивам неверующих большевистских представителей власти, что ясно видно, например, по тому, что он в своем послании от 22 июня 1941 г. призвал всех пастырей и паству Церкви Христовой бороться на стороне богоотступников-большевиков и против немцев,

называя их “фашистскими” убийцами»⁵⁹. Впрочем, и о какой-либо форме связи с Константинополем митрополит Александр более не упоминал⁶⁰, возвратившись к прежнему фактически автокефальному состоянию. Свои полномочия митрополит Александр теперь возводил в первую очередь к авторитету германской власти: «Со стороны властей я признан единственным ответственным главою Эстонской Православной Церкви... Священнослужителям, членам причта, деятелям приходским или прихожанам, не исполнившим моих распоряжений и тем нарушившим церковную дисциплину и порядок, придется иметь дело с властями»⁶¹.

Призывам Патриаршего экзарха Латвии и Эстонии митрополита Литовского Сергия (Воскресенского) хранить «верность страждущей Матери Церкви»⁶² митрополит Александр последовать не захотел. За это он после неоднократных попыток братского увещания общим решением четырех архиереев Прибалтийского экзархата, живших в совершенно таких же условиях нацистской оккупации, но сохранивших каноническую верность Московскому Патриархату, в ноябре 1942 г. был запрещен в служении и уволен от управления епархией⁶³. Общее настроение архиереев, принявших это решение, выразил в своем письме епископ Нарвский Павел: «Не вижу никаких оснований порывать связь с Русской Церковью, и никто из нас не имеет права даже ставить такой вопрос... Церковь-мученица пред всем миром засвидетельствовала свою преданность Христу, а мы здесь решаем вопрос, согласиться ли нам быть ее членами! По справедливости мы должны поставить другой вопрос: достойны ли мы быть членами этой Церкви?»⁶⁴ Однако благодаря политике германско-фашистских властей, направленной на разделение православных верующих, митрополит Александр смог сохранить фактическую власть над эстоноязычными и смешанными приходами Таллинской епархии.

В 1944 г. митрополит Александр покинул Эстонию вместе с 22 священнослужителями, а кооптированный им во время войны Синод Эстонской Апостольско-Православной Церкви⁶⁵ обратился к Местоблюстителю Патриаршего престола митрополиту Алексию (Симанскому) с заявлением о том, что осуждает «самовольные действия митрополита Александра»⁶⁶, и с просьбой о воссоединении с Русской Церковью. 6 марта 1945 г. в Таллине такое воссоединение состоялось, после того как члены Эстонского Синода принесли письменное и устное покаяние прибывшему представителю Московской Патриархии архиепископу Псковскому и Порховскому Григорию (Чукову)⁶⁷. По условиям того времени Эстонская Апостольско-Православная Церковь была преобразована в Эстонскую епархию с кафедрой правящего архиерея в Таллине, на которую был возведен архиепископ Павел (Дмитровский), до того возглавлявший Нарвскую епархию.

Митрополит Александр ни разу до самой своей кончины в Стокгольме в 1953 г. не обратился к православным, оставшимся в Эстонии, ни с одним посланием. Свои силы он отдал организации церковной жизни эстонской православной диаспоры. Его архиерейское окормление ограничивалось собратями по несчастью, с которыми он разделял горечь пришельца в земли чуждей (ср.: Исх 18. 3).

Каноническую черту в этой истории подвел Святейший Патриарх Константинопольский Димитрий, который 3 апреля 1978 г. совместно со Священным Синодом Константинопольского Патриархата издал деяние о признании недействующим томоса 1923 г., изданного Патриархом Мелетием IV, «поскольку в настоящее время каноническое общение Святейшей Русской Церкви с православной Церковью Эстонии должным образом восстановлено, и Русская Церковь вновь может осуществлять о ней свою пастырскую опеку и заботу»⁶⁸.

Автономия, которой не было?

Теперь настало время вновь вернуться к книге отца Григория о «несчастье быть маленькой Церковью», выразив благодарность ее автору за опубликование в другом, вышедшем под его редакцией томе ряда документов, использованных нами в приведенном выше историческом обзоре, несмотря на то что в целом эта книга в авторских текстах ее редактора и других лиц полна несправедливых обвинений в адрес Русской Церкви, а помещенные в ней статьи вступают в очевидное противоречие с размещенными на соседних страницах в виде факсимильных копий историческими свидетельствами.

Итак, отец Григорий решительно утверждает: «ПЦЭ [православная Церковь Эстонии] автономна с 1923 года» (С. 147). А как же быть с автономией, предоставленной свт. Тихоном еще в 1920 г.? Профессор, кажется, мог бы знать о ней хотя бы из документов, опубликованных им же ранее. Однако вместо того он ссылается почему-то лишь на «повторяющиеся утверждения представителей Русской Православной Церкви» и «уточняет»: «Покойный Патриарх Тихон предоставил Эстонии лишь большую внутреннюю автономию *по образу епархии* в основном лишь в области духовничества, образования и экономики, но не издал ни томоса, ни действительной и каноничной автономии. Значит, единственный томос об автономии был издан в 1923 году» (С. 147–148). Никаких объяснений того, что делает автономию «действительной и каноничной», наш автор не приводит, и это затрудняет дальнейшую дискуссию. В другом месте архимандрит Григорий пишет: «На протяжении периода 1917–1921 годов Русский Патриархат благоприятствовал предоставлению полной автономии православной Церкви Эстонии» (С. 217). Это невятное заявление, видимо, должно еще раз подчеркнуть: то, что предоставил «Русский Патриархат» эстонскому православию в 1920 г. не автономия, но лишь благоприятствование ее последующему получению от Константинопольской Церкви.

Поскольку отец Григорий не изложил нам своих аргументов, рискнем предположить, что, с точки зрения грекоязычного автора, ключевым признаком «действительной и каноничной» автономии является употребление греческого же слова «*томос*»⁶⁹. Действительно, вынесенное в соединенном присутствии (так в те годы обычно рассматривали важнейшие церковные дела) решение Священного Синода и Высшего церковного совета православной Российской Церкви, принятое в июне 1920 г., не носило такого наименования.

Видимо, по простой причине: члены этих органов высшей церковной власти говорили на русском языке и на нем же вели делопроизводство. Но ведь православие универсально и не замыкается в рамки какой-то одной национальной культуры, допуская каноническую терминологию и на других языках помимо греческого.

Теперь обратимся еще раз к содержанию документа российского священноначалия. В нем не указаны границы автономии Эстонской Церкви. Решение сформулировано коротко и ясно: «*Признать Эстонскую Православную Церковь, согласно ее желанию, автономною* впредь до разрешения вопроса об автокефалии ее Всероссийским Церковным Собором». Что же касается утверждения профессора Папатомаса о предоставлении усеченной автономии «лишь в области духовничества, образования и экономики», то его можно объяснить разве что недостаточным владением русским языком или обращением за помощью к недобросовестному переводчику. Ибо в июньском постановлении 1920 г., напротив, подчеркнута, что еще до принятия решения об автономии «*Эстонская Церковь, как находящаяся в пределах самостоятельного государства, фактически уже пользуется самостоятельностью* (курсив наш.— *Н. Б., И. П.*) во всех делах церковно-хозяйственных, церковно-административных, школьно-просветительных и церковно-гражданских»⁷⁰. Это-то обстоятельство и послужило одним из оснований предоставления автономии.

Рассмотрим внимательно и текст того самого Патриаршего и синодального акта 1923 г., который отец Григорий объявляет «единственным томосом об автономии». В нем как раз никакого провозглашения автономии и не содержится! Патриарх Мелетий и его Священный Синод констатируют: им известно, что «Блаженнейшим Патриархом Московским и всея Руси господином Тихоном святая Православная Церковь Эстонии выделена в автономную»⁷¹. Таким образом, факт предоставления автономии в 1920 г. члены Константинопольского Синода в отличие от нашего автора под вопрос не ставили⁷². Больше в документе слово «автономия» ни разу не употребляется. Нельзя трактовать в качестве предоставления автономии и фразу: «Удовлетворить просьбу православной Церкви Эстонии и утвердить испрошенный ею церковный статус». Ибо, как мы уже выяснили, из слов самого архиепископа Александра совершенно ясно, что выраженная им от лица православной Церкви Эстонии просьба была просьбой об автокефалии, а вовсе не об автономии, которой эта Церковь уже обладала. Если же обратиться к тому, как эта просьба представлена в акте Патриарха Мелетия, то здесь она дипломатично сформулирована как прошение «о взятии ее (Эстонской Церкви.— *Н. Б., И. П.*) под наше духовное окормление и попечение в порядке постоянного канонического церковного устройства и руководства». И тут речь о предоставлении автономии также не идет. Конечно, не говорит о таковом и присвоенное архиепископу Александру «почетное звание митрополита Таллинского и всея Эстонии», как и разрешение в будущем собирать епископов так и не учрежденных трех епархий «на заседания Синода, имеющего все права и обязанности, предоставляемые святыми канонами Синоду Поместной Церкви, и не-

сущего ответственность перед Вселенским Патриархом и его Синодом». Синод Эстонской Церкви существовал и ранее. Как мы отмечали выше, свт. Тихон признавал его и вступал с ним в переписку. Кроме того, существование Синода само по себе не является признаком наличия церковной автономии. Например, в настоящее время свой Синод имеет находящаяся в юрисдикции Константинопольского Патриархата Греческая православная архиепископия Америки, вовсе не наделенная автономными правами.

Чем же еще архимандрит Григорий мог бы обосновать свое утверждение о том, что акт Патриарха Тихона 1920 г. не был предоставлением «действительной и каноничной автономии», а вот акт Патриарха Мелетия был таковым? Тем ли, что Патриарх Тихон не известил о решении своего Синода, кроме Эстонской Церкви, глав других Поместных Церквей? Но этого не сделал и Синод Константинопольского Патриархата в 1923 г. Во всяком случае, не было послано такого извещения свт. Тихону, которого принятое решение прямо затрагивало и при котором Вселенский Патриарх имел своего представителя в сане архимандрита. Таким образом, остается единственное возможное основание для утверждения архимандрита Григория, оставленного им самим без доказательств: всякое деяние Константинопольского престола, даже предпринятое «за пределами своей области»⁷³, в нарушение святых канонов, ему представляется действительным и каноничным; всякое решение иной Поместной Церкви, в частности решение о предоставлении автономии, напротив, неканоничным и недействительным.

До недавнего времени некоторые представители греческой богословской мысли и в самом деле выражали мнение, что лишь одна Константинопольская Церковь обладает правом учреждения церковных автономий. Однако многолетние дискуссии увенчались в рамках проходившей 9–17 декабря 2009 г. Межправославной подготовительной комиссии, вырабатывающей материалы для будущего Святого и Великого Собора Восточной Православной Церкви, следующей «единогласной формулировкой общеправославной позиции» по вопросу автономии и способа ее провозглашения: «Инициирование и завершение процедуры предоставления автономии какой-либо части канонической юрисдикции автокефальной Церкви входят в ее каноническую компетенцию, к которой относится Церковь, провозглашаемая автономной»⁷⁴. Это служит лишним подтверждением сказанного выше о тщетности той борьбы за *ложно понятые интересы*, которой вопреки фактам истории и канонического права усердно посвятил себя отец Григорий.

Далее наш профессор продолжает свой подвиг противостояния фактам истории следующим образом: «Если хотя бы на мгновение принять упрямое утверждение Русской Церкви о том, что каноническую автономию предоставил Патриарх Тихон в 1920 году, то возникает вопрос: почему же после вторжения сталинской армии в 1944 году эту автономию так грубо и насильно упразднили и немедленно поглотили Эстонскую автономную Церковь, превратив ее в русскую епархию под названием “русская православная епархия” (9 марта 1945 года)?» (С. 148). Когда говорят о вторжении, создается впечатление нападения на мирную страну с целью оккупации. Можно по-разному

интерпретировать события 1940 г., когда СССР перед лицом неизбежно идущей мировой войны инкорпорировал Эстонию. Но в 1944 г. советская армия продвигалась на запад, освобождая мир от нацизма. То, что вслед за победами советских воинов, среди которых было немало идейных противников большевизма (в том числе и пострадавших от него), на освобожденных ими от гитлеровской власти территориях утверждался сталинский режим, первой и наиболее массовой жертвой которого был русский народ, не дает основания презирать их подвиг борьбы со страшной мировой угрозой фашизма.

По существу же дела, как уже говорилось, автономия Эстонской Церкви была упразднена не в 1944 г., а в 1941 г., и причина этого оказалась простой: с 1940 г. перестала существовать одна из важнейших предпосылок автономии, провозглашенной в 1920 г., а именно, самостоятельность Эстонского государства. В том, разумеется, не было вины Русской Православной Церкви, которая приняла эстонские приходы и их архипастыря в свой состав только весной следующего года, после повторного обращения митрополита Александра, уже знавшего из переписки с митрополитом Сергием (Страгородским) и из предоставленных ему устных разъяснений архиепископа Сергия (Воскресенского), что в случае воссоединения автономия будет упразднена, поскольку Эстония теперь находится в составе единого союзного государства.

Однако никакого превращения «в русскую епархию под названием “русская православная епархия”» ни тогда, ни 9 марта 1945 г. не было. Опять, видимо, подвели отца Григория плохие переводчики. В им же ранее опубликованном протоколе состоявшегося в этот день объединенного заседания Нарвского епархиального совета и Синода Эстонской апостольской православной митрополии сообщается лишь об оглашении указа уполномоченного представителя Московской Патриархии архиепископа Григория об учреждении епархиального совета *Эстонской* и Таллинской епархии⁷⁵. Выражение «русская епархия» в документе отсутствует. Нет его и в зачитанном 9 марта указе владыки Григория, подписанном двумя днями ранее. Здесь также (как и во всех последующих документах Московского Патриархата) говорится исключительно об Эстонской епархии. Ее епархиальному совету предписано позаботиться о постепенном переводе богослужебных книг «на эстонский язык через организацию специальной переводческой комиссии»⁷⁶. Это стало ответом на пожелания эстонских клириков, которые на встрече с владыкой Григорием 5 марта просили «сделать перевод русских богослужебных книг на эстонский язык, дабы привести богослужение к единообразию по всей Эстонской епархии» и «в целях достижения того же единообразия при совершении церковных служб издать певческие сборники на эстонском языке»⁷⁷. Это пожелание было исполнено: на средства Московской Патриархии был издан нотный сборник обихода церковного пения на эстонском языке (труд церковного композитора протоиерея Христофора Винка)⁷⁸. Не оставлено без положительного ответа в упомянутом указе архиепископа Григория и пожелание ряда эстонских приходов сохранять принятое у них (и разрешенное еще свт. Тихоном) богослужение по новому календарному стилю с условием, однако, следования православной пасхалии.

Далее архимандрит Григорий продолжает свой поход против «упрямых утверждений Русской Церкви» об автономии 1920 г. следующим вопросом: «Почему же Московский Патриархат в лице Патриарха Алексия II, который в церковном смысле родом из Эстонии, после 1991 года не восстановил автономию?» (С. 148). На этот удивительный вопрос можно дать лишь один ответ: именно это и сделал Святейший Патриарх Алексий, который, кстати, был родом из Эстонии во всех смыслах — и в «церковном», и в общечеловеческом. Вместе со Священным Синодом Русской Православной Церкви он 11 августа 1992 г. подтвердил решение Святейшего Патриарха Тихона 1920 г., «принимая во внимание, что православная Церковь в Эстонии осуществляет свою деятельность в суверенном и независимом государстве». Тем же решением Священного Синода было подтверждено: «Московский Патриархат как религиозный центр признает православную Церковь в Эстонии собственником всех объектов церковной собственности на территории Эстонии». При подготовке Устава православной Церкви Эстонии рекомендовано «взять за основу Устав православной Церкви Эстонии 1935 г. с внесением в него изменений, соответствующих реальному положению Церкви в настоящее время»⁷⁹. А 26 апреля 1993 г. Святейший Патриарх Алексий и Священный Синод издали томос, в котором вновь подтвердили решение свт. Тихона об автономии, дополнительно определив полномочия Собора Эстонской Православной Церкви, осуществляющего в ней «высшую законодательную, административную, судебную и контролирующую власть», также была описана компетенция Синода⁸⁰.

Неужели все это неизвестно отцу Григорию? Выясняется, что по крайней мере о томосе 1993 г. он слышал, хотя едва ли его читал, судя по нижеследующим утверждениям: Патриарх Алексий «не восстановил автономию» 1920 г. (которой, напомним, по мнению отца архимандрита просто не было), а «объявил в 1993 году новую автономию по-прежнему по образу епархии и еще более ограниченную, чем данная патриархом Тихоном, с единственной целью — получить в свои руки церковное имущество». С учетом цитированных выше подлинных документов комментарии нам представляются излишними.

Борьба с русификацией или с ветряными мельницами?

Документы не помогают архимандриту Григорию, поэтому он предпочитает основывать свое исследование не на них, а на туманных рассуждениях об антиномической сущности халкидонского догмата, якобы попираемого Русской Церковью, на древнегреческих баснях (С. 147, 151, 154, 222, 231, 232, 239), а также на утверждениях, которые он сам влагает в уста воображаемых противников. Так, профессор на страницах своей книги многократно обвиняет Русскую Церковь в «поглощении народом церковного своеобразия во имя единства, незаконно нивелирующего культурное многообразие», в стремлении «ассимилировать православных эстонцев (русифицировать их)» во имя политических целей, что якобы и было «причиной поглощения автономии одной из Церквей и упразднения своеобразия маленького народа» (С. 150,

ср.: С. 156, 164, 188, где повторяются подобные утверждения), в «церковном национализме», «этническом церковном эксклюзивизме» и «этническом конфессионализме» (С. 185), в якобы предъявляемых ею требованиях «отказа от “эстонского православного христианства”», противоречащих «наследию Кирилла и Мефодия» (С. 208), и даже в своеобразном апартеиде — в попытках «организации этнически однородных общин на общемировом плане» (С. 192)⁸¹. Неуместность всех этих придуманных обвинений по отношению к Русской Церкви — самой, вероятно, многонациональной из всех Поместных Православных Церквей, окормляющей духовно представителей десятков народностей, — едва ли нуждается в доказательствах. Подтверждаются ли эти обвинения хоть одним церковным документом, хоть одним описанием конкретного проявления ассимиляции и русификации, хоть одним высказыванием какого-либо церковного деятеля Московского Патриархата? Ничего из этого в книге отца архимандрита найти не удалось...

Поскольку совсем без ссылок обойтись трудно, а греческие басни в качестве документального источника признаются не всеми, отец Григорий выходит из положения, цитируя своего патрона и автора предисловия к его книге митрополита Стефана. Из статьи, помещенной за его подписью в газете «Вима»⁸², в изучаемый нами труд включены следующие саркастические слова, якобы передающие позицию Московского Патриархата: «Все, что было создано православного в Эстонии... должно быть русифицировано и войти частью в “Материнскую Церковь” (sic!)⁸³, которая безо всяких обиняков заявила: “Все, что эстонское — лютеранское; все, что русское — православное”. Эта фраза косвенно содержит в себе догмат о русификации православного эстонского населения, а также измену халкидонскому учению... Согласно этому догмату, только русские являются (или могут быть) православными в странах Балтии; точнее говоря, чтобы быть православным в странах Балтии, нужно быть русскими. Прибалтийские православные народы (и люди) должны были, таким образом, отказаться от своего национального самосознания и стать хотя бы внешне русскими»⁸⁴.

Ну, а дальше, на основании такого убедительного свидетельства, в самых оскорбительных тонах по отношению к Русской Церкви и ее священноначалию (главной целью видится покойный Святейший Патриарх Алексей II) разворачивается поистине устрашающая картина: «Так длительное время велась безжалостная борьба, разжигаемая в основном церковными руководителями, за русификацию Эстонской и находящейся поблизости Латышской автономных Церквей. И те самые люди, не удовлетворенные тем, что вместе с автономией они уничтожили и все то, что было связано с православной Эстонией и Латвией, и сегодня требуют довести до конца начатое в те сумрачные годы идеологической неволи и забрать то, что осталось... Российская Церковь ликвидировала и поглотила, уничтожила и ассимилировала автономные Церкви прибалтийских стран, которые канонически принадлежали Константинопольскому Вселенскому Патриархату, давшему им церковную автономию»⁸⁵.

Заметим, что митрополит Стефан не дает никаких указаний на источник цитируемого им высказывания, якобы принадлежащего покойному Пат-

риарху Алексию, который никогда не сказал бы таких слов о стране, являющейся его родиной. А архимандрит Григорий, видимо опасаясь возможной ответственности за клевету, решил вымарать ссылку на Патриарха Алексия из цитируемой им статьи, вовсе отказавшись от указаний читателям, чьими же это устами Русская Церковь, действительно материнская для эстонского православия, изрекла «безо всяких обиняков» приведенные выше слова, содержащиеся в себе сразу и «догмат русификации» и «измену Халкидону». Увы, мы имеем дело либо с сознательной клеветой, либо с порождением болезненного воображения. В упомянутой же статье из афинской газеты содержится ряд подобных возмутительных утверждений. «Алексий II не смог уничтожить того, что осталось от православной Церкви Эстонии», — пишет митрополит Стефан, заявляющий также, что обвиняемый им Патриарх «из пастырей единого народа превратился в расчленителя вместе с другими расчленителями и сторонником секулярной системы⁸⁶ в стране, в которой он родился».

Достойный ответ на эту публикацию был в свое время дан митрополитом Таллинским и всея Эстонии Корнилием, который, как очевидец и участник событий послевоенной эпохи, писал: «Помимо исторических неточностей, в статье митрополита Стефана высказано редкое недоброжелательство в отношении личности Святейшего Патриарха Московского Алексия, которого он стремится представить врагом всего эстонского и чуть ли не гонителем эстонского православия. Между тем Патриарх, который родился и вырос в независимой Эстонии и до сих пор в отличие от г. Стефана свободно говорит и служит по-эстонски, посвятил родному краю большую часть своей жизни. Митрополит Стефан прибыл в страну относительно недавно, поэтому он едва ли может себе представить, с какими трудностями было сопряжено архипастырское служение в советскую эпоху. Назначение будущего Патриарха на Таллинскую кафедру совпало с началом масштабных гонений на Церковь, организованных коммунистическим руководством во главе с Никитой Хрущевым. Проводились аресты духовенства, закрывались храмы, монастыри и богословские школы. Высокопреосвященному владыке Алексию стоило огромных усилий отстаивать приходы в Эстонии. То, что сейчас есть Пюхтицкий монастырь, многочисленные храмы, в том числе те, в которых служит Высокопреосвященный Стефан, является заслугой нынешнего Московского Патриарха Святейшего Алексия. В годы своего пребывания в Эстонии будущий Патриарх особенно заботился о своей эстоноязычной пастве. Недаром наша страна удостоила его высшей государственной награды — ордена Креста Марьямаа первой степени⁸⁷».

«Православные братья разрушили Церковь»

Звучит поистине абсурдно и ужасающе. Но... если речь идет о русских, этих страшных великанах из столь любимой нашим автором басни Эзопа, то почему бы не сказать и такое: «В Албании Церковь разрушали атеисты, поэтому их очень просто обвинять. В Эстонии это были наши русские православные братья» (С. 156). Обвинение в высшей степени серьезное. В Эстонии

в предвоенную и послевоенную эпохи и в самом деле шло разрушение Церкви: священнослужителей и активных мирян арестовывали, отправляли в ссылку и заключение, расстреливали... но кто? «Русские православные братья»? Кого автор имеет в виду: священнослужителей и мирян, приехавших в Эстонию в советский период? Или тех православных, которые не последовали за митрополитом Александром, когда он во время немецко-фашистской оккупации учинил повторный раскол? Не смущает ли нашего уважаемого профессора преобладание русских фамилий среди репрессированных священнослужителей?⁸⁸ Не задумывался ли он, чем занимались здесь «русские православные братья» в исторический период, когда верить в Бога уже означало находиться в оппозиции тоталитарному режиму? Как они разрушали Церковь? Служа и молясь в ее храмах? Уберегая их от закрытия и опустошения, как это делал Святейший Патриарх Алексий II по отношению к Пюхтицкому монастырю и Таллинскому Александро-Невскому собору?⁸⁹ Последний те же русские православные братья вместе с православными эстонцами защищали от угрозы разрушения и в 1928 г., когда в парламент Эстонской Республики был внесен законопроект о сносе этого «яркого памятника эпохи грубого обрусения» во имя особенно близкой сердцу нашего автора защиты национального культурного своеобразия⁹⁰. Еще ранее собор предлагали перестроить в «Пантеон самостоятельности»⁹¹, но и тогда его удалось отстоять. Наконец, каким образом проводилась пресловутая русификация и где? Какие именно эстонские приходы были разорены «русскими православными братьями», в каких из них богослужение было насильственно переведено с эстонского на церковнославянский или с нового на старый календарный стиль? Может ли архимандрит Григорий Папатомаас аргументированно ответить хоть на один из этих вопросов? Если же нет, профессору надлежит вспомнить древнюю юридическую норму, вошедшую и в каноническое право: клеветущий повинен наказанию за преступление, в котором оклеветал невинного (II Вселенского Собора правило 6).

Как же можно православный русский народ, ставший главной жертвой атеистического режима, превращать в главного обвиняемого в злодеяниях тоталитаризма? А если речь идет о носителях богоборческой власти и об исполнителях их воли, то что же, в советской Эстонии эти богопротивники были — не говорим уже «православными», что по определению невозможно, — но неужели все сплошь русскими? Есть в книге нашего брата архимандрита Григория такие места, прочитав которые, трудно заставить себя продолжать чтение дальше.

Границы церковные и государственные

Подмена ценностей Царства Божия мирскими реальностями, смешение государственного и церковного начал, ставшие первопричинами эстонской церковной смуты, в изобилии представлены и на страницах книги отца Григория. Не довольствуясь лишенными всяких обоснований упреками в церковной русификации, автор пытается вопреки общеизвестным фактам (зато

в тесной связи с халкидонским богословием в особой авторской интерпретации) навязать Русской Церкви посягательство и на государственный суверенитет прибалтийских республик.

«Проблема существует и с точки зрения международного права, так как устав Р[усской] П[равославной] Ц[еркви] не признает государственной независимости Эстонии, Латвии и Литвы, поскольку в церковном отношении они входят в состав “всея Руси”. Другими словами, Р[усская] П[равославная] Ц[ерковь] не признает, в отличие от Российского государства, ни независимость, ни автономию балтийских стран и объявляет об этом в своем уставе. Но как же это возможно, что национальная и автокефально-патриархальная Церковь считает своей “канонической территорией” территории других независимых государств и использует свой официальный устав для того, чтобы потребовать назад эти территории?» (С. 147, а также с. 222, 231).

Единственным основанием для этой конструкции является упоминание прибалтийских государств среди 13 стран, составляющих ныне, согласно уставу, каноническую территорию Русской Православной Церкви. Так что Прибалтика выделена лишь как сфера особого интереса отца Григория. Независимость всех остальных государств, кроме России, согласно его концепции, Московским Патриархатом также не признается. И нет нужды, что такое утверждение явно противоречит целому ряду официальных документов Русской Православной Церкви, множеству высказываний ее Предстоятеля и иерархов. Книга эта написана не для тех, кто захотел бы сверять написанное в ней с действительностью. Потому что действительность говорит об ином. Ограничиваясь все той же Эстонией, достаточно отметить, что ее уроженец, блаженнопочивший Патриарх Алексий II, отличавшийся особенной любовью к своей родине, к ее культуре и языку (которым прекрасно владел), не упускал случая засвидетельствовать свое уважение к эстонской государственности. Несмотря на трудности, переживаемые Эстонской Православной Церковью Московского Патриархата, Патриарх регулярно поздравлял президента Эстонии с государственным праздником Днем независимости. Отношение же самого Эстонского государства к заслугам перед родиной своего великого соотечественника получило достаточно ясное выражение в награждении его одной из высших государственных наград Крестом Марьямаа 1-й степени⁹², а также в посмертном наименовании в честь Патриарха Алексия II одной из площадей Таллина. Неужели это было бы возможно, если бы Русская Православная Церковь не признавала государственную независимость Эстонии, как мнится отцу Григорию?

В дни памятного для нас первосвятительского визита в Эстонию в 2003 г. Арнольд Рюйтель при вручении высокому гостю Креста Марьямаа говорил о поддержке со стороны Патриарха в период восстановления независимости Эстонской Республики: «Вы помогли нам в те трудные годы не только словом, но и своим авторитетом среди высшего руководства России». На последовавшей за награждением пресс-конференции президент еще раз подчеркнул: «В трудные для нас времена мы с Вами не раз беседовали о наших попытках обрести независимость, и Вы всегда поддерживали нас в этих стремлениях.

Смею предположить, что Вы помогли Эстонии добиваться независимости и своими беседами с высокопоставленными людьми в Москве». А Святейший Патриарх, принимая орден, отметил, что эту награду он воспринимает «как высокую оценку со стороны *независимой Эстонии* (курсив наш.— Н. Б., И. П.) усилий Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата, направленных на торжество идеалов мира, добра, справедливости и подлинной свободы в эстонском обществе»⁹³.

Другой эстонский политик, мэр Таллина и бывший премьер-министр Э. Сависаар уже после смерти Патриарха Алексия заявил: «Помню совместную работу с ним в Москве в 1989 году на съезде народных депутатов, где мы вместе работали в комиссии по преданию гласности пакта Молотова—Риббентропа и секретного протокола к нему. Он поддержал вместе со мной решения этой комиссии, что серьезно способствовало восстановлению свободы и независимости Эстонии»⁹⁴. Примеры можно было бы умножать и далее... Но нам все же хотелось бы понять, какой логикой руководствовался отец архимандрит, выдвигая столь несообразные с действительностью обвинения. Ответ можно найти в других местах его книги, где развивается теория, являющаяся несомненным новшеством в каноническом праве. Согласно ей, «Поместная Церковь не может простирает свои права на территорию другого государства, отличного от того, в котором она существует... Принцип автокефальности полагает условием существования автокефальной Церкви исправление церковной юрисдикции внутри границ государства, именем которого она названа» (С. 229, см. также с. 202, 204, 215).

Но ведь в действительности *большинство* Поместных Церквей расположены на территории более чем одного государства! Вспомним хотя бы Александрийскую Церковь, духовный центр которой находится в Египте, а каноническая территория простирается на всю Африку, «оккупируя» территории 53 независимых государств (не считая 4 непризнанных). По логике отца Григория, их суверенитет также попирается Папой и Патриархом Александрийским! Или возьмем, к примеру, Иерусалимский Патриархат, простирающийся на Израиль с Палестинской Автономией и Иорданию. Можно вспомнить и об Антиохийском Патриархате, духовный центр которого находится в Сирии, но каноническая территория также включает Ливан, Ирак, Арабские Эмираты.

Сербская Церковь охватывает не только территорию Сербии, но и прочие республики бывшей Югославии: Черногорию, Хорватию, Словению, Республику Македонию (не касаясь здесь сложного вопроса о статусе непризнанной ныне православной Церкви на территории последней). Неужели наш автор солидаризируется с раскольниками из так называемой Черногорской православной церкви? Или хотел бы видеть торжество бесславной раскольнической Хорватской православной церкви, провозглашенной по требованию нацистов в конце Второй мировой войны? А территория православной Церкви в Чешских землях и Словакии? Автор и ее готов обвинить в непризнании государственной независимости двух стран? Наконец, сам Константинопольский Патриархат кроме территории Турции включает часть Греции: ее северные земли, Крит и острова Додеканесского архипелага. Абсолютизируя

принцип следования канонических границ государственным, придется рассматривать это как непризнание самостоятельности Греческого государства. С другой же стороны, если настаивать на последовательном отождествлении церковных и государственных пределов, остается только удивляться тому, как «неканоническим», по мнению профессора, образом в границах Оттоманской империи сосуществовали Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский Патриархаты. Все — на территории одного государства!

Все это показывает, что наш автор становится на крайне опасную и скользкую почву, когда из произвольного и антиисторического толкования 17-го правила Халкидонского Собора и 38-го правила Трульского Собора выводит следующее «каноническое соборное требование»: «Церковный порядок должен адаптироваться к порядку политическому» (С. 199). В его упрощенной интерпретации церковно-канонические решения становятся как бы неизбежными или даже просто автоматическими, коль скоро политическое решение стало реальностью. Если бы каноническая норма, предусматривавшая изменение границ епископий (в пределах одной империи и одного Патриархата) «в случае, если царскою властью вновь устроен будет град», имела столь абсолютный характер и была бы с легкостью применима в нашу эпоху светских государств, то Стамбул, давно уже не являющийся «градом царя и синклита», должен был бы утратить свое всемирное для православных христиан значение, да и многие другие изменения должны были бы неизбежно произойти в порядке «адаптации» к меняющемуся политическому порядку.

Архимандрит Григорий с удивительной близорукостью не замечает, как опасно для его же аргументации безоглядное абсолютизирование сформулированного им принципа. Ведь если церковный порядок с неизбежностью адаптируется к политическому, что можно сказать против упразднения автономии Эстонской Церкви после того, как Эстония вошла в СССР? Но отца Григория не беспокоит возможность такого использования его сомнительного тезиса, настолько укоренилась в его сознании система двойных стандартов. Он намерен использовать свое «каноническое требование» с единственной целью: доказать, будто «в области православного канонического Предания общепринято, что автокефалия определенной Церкви исчерпывается в пределах территории ее юрисдикции, тождественной территории государства, в котором она находится» (С. 201). А значит, автокефалия Русской Церкви не простирается далее границ Российской Федерации. Развивая эту мысль, совершенно не согласующуюся, как мы уже показали, с реальной практикой православного мира, профессор приходит к новому откровению: как только государство «фактически и юридически образовано и обретает свободу и автономию, став независимой республикой, суверенной и признанной международным сообществом, его народ в лице его правительства имеет как каноническое, так и человеческое право выбирать как форму Церкви, так и ее статус независимо от политического положения в недавнем прошлом» (С. 202)⁹⁵. Как говорили встарь, *cujus regio, ejus religio* (чья власть, того и вера (лат.)), но с поправкой на представительную демократию. Здесь мы видим

редкую по откровенности проповедь внедрения мирских начал в устройство церковной жизни.

Из данного тезиса вытекает, что иноверцы или просто неверующие светские люди, входящие в состав правительств многих государств, вправе «от лица народа» выбирать «форму» и «статус» православной Церкви. Не беда, если сами они к ней не принадлежат, неважно, что она никогда не наделяла их сакральными полномочиями для подобного выбора. Даже в период крайнего увлечения фактически автокефальной Эстонской Православной Церкви развитием демократических принципов церковного устройства, когда в ее уставе 1935 г. было записано, что она «есть народная Церковь и обладает правом самоустроения или самоуправления»⁹⁶, публично признать прерогативу правительства в определении статуса православной Церкви представлялось неудобным.

А ведь отец Григорий хотел всего лишь убедить себя и своих читателей в том, что не было ничего предосудительного в переписке 1994–1996 гг. между Святейшим Патриархом Константинопольским Варфоломеем и светским руководством Эстонии — президентом Леннартом Мери, премьер-министром Мартом Лааром, министром по европейским делам Энделем Липмаа — которые от лица всех православных Эстонии предлагали переподчинить Константинополю православную Церковь в республике. Характерно, что такие эгзистенциальные пассажи чередуются в книге с заявлениями совершенно иного рода, например: «Понятия “право земли” и “право крови” — это естественные понятия, совершенно чуждые самой природе Церкви» (С. 203). С богословской точки зрения, справедливо. Но почему-то об этом вспоминается, лишь когда речь идет о чувствах русских.

Как уже отмечалось выше, простой подсчет показывает: из существующих сегодня 15 автокефальных православных Церквей (включая Православную Церковь в Америке, автокефалия которой признана не всеми Церквами), 8 не ограничивают свою каноническую территорию границами одного государства. До сих пор в православной семье по этому поводу не возникало особых споров. Однако отца Григория такое мирное положение не удовлетворяет. Он готов призывать к решительным мерам, направленным на укрощение непокорных и простирающим свои церковные границы шире государственных: «Если Поместная Церковь ведет себя таким образом и практикует церковный империализм, ее автокефальные права должны быть временно приостановлены из-за агрессивного поведения и внесения эклизиологической сумятицы среди Поместных Церквей» (С. 229–230). Понятно читателю, о какой Поместной Церкви ведется речь? Или надо еще раз напомнить излюбленную басню профессора Папатомаса про карлика и великана?⁹⁷

Об «империализме» и «всемирных требованиях» русских и киприотов

Любопытно, что обвинения в «империализме» отец Григорий адресует все же не только Московскому Патриархату. Под огонь его критики неужи-

данно попадает и Кипрская Православная Церковь. Причиной в обоих случаях становятся неверно понятые (возможно, предвзято прочитанные) положения уставов этих Поместных Церквей. Устав Русской Православной Церкви (Гл. 1, ст. 3) простирает ее юрисдикцию кроме православных христиан, проживающих на ее канонической территории (которую отцу архимандриту очень хотелось бы сузить до пределов Российской Федерации), на «добровольно входящих в нее православных, проживающих в других странах». А Кипрская Церковь, по словам отца Григория, считает, что ее прихожанами являются кроме всех православных жителей острова-государства также «все киприоты, в данный момент проживающие за рубежом» (С. 226)⁹⁸. Быть может, формулировки уставов действительно нуждаются в некотором уточнении. Однако до сих пор едва ли кому-либо из читателей обоих документов приходила в голову возможность той интерпретации, которую сообщает им профессор Папатома: «Эти Церкви, говоря о территориях *за пределами их границ*, намеренно и осознанно не делают разграничения между “диаспорой” и “каноническими территориями” других Поместных Церквей» (С. 222).

Прежде всего такое утверждение бесспорно опровергается реальной практикой. Кипрская Церковь вовсе не открывает общин в своей юрисдикции за пределами страны, уступив духовное окормление своей многочисленной диаспоры (главным образом в Великобритании) Константинопольскому Патриархату. Указанное положение ее устава, принятого в 1979 г.⁹⁹, означало лишь то, что древняя Церковь Кипра не отрекается от своих чад, которые в результате военных событий 1974 г. были вынуждены во множестве покинуть северную часть острова и поселиться на чужбине — временно, как тогда хотелось надеяться. По мысли составителей тогдашнего устава, если настанет время возвращения изгнанников, им не придется вновь «вступать» в членство оставленных ими приходов, храмы которых ныне, увы, частью разрушены, а частью используются мусульманским населением северного Кипра не по назначению¹⁰⁰.

Что же касается Русской Православной Церкви, то она, не оставляя обязанности духовно заботиться о своих чадах, рассеянных в разных странах так называемой православной диаспоры, действительно открывает в них по просьбе соотечественников свои многонациональные общины, состоящие в ее канонической юрисдикции. Однако это никоим образом не затрагивает канонические территории других Поместных Православных Церквей, где могут существовать только церковно-представительские учреждения Московского Патриархата, создаваемые не иначе как на основании соответствующих двусторонних договоренностей с местными Предстоятелями. Как правило, такие договоренности достигаются на основе взаимности: в Москве в настоящее время действуют представительские подворья 7 Поместных Православных Церквей, осуществляющие также духовное попечение о своей пастве в столице России. Для содействия в пастырском окормлении русскоязычных верующих Московский Патриархат помогает другим Поместным Церквам создавать русские приходы и при надобности командировать для служения в них своих клириков или же помогает клирикам либо кандидатам

священства из других Церквей получать образование в России, изучая при этом русский язык и культурные традиции Русской Церкви. Однако, проходя свое служение в пределах иных Поместных Церквей, клирики Московского Патриархата поступают в каноническое ведение местных архиереев и действуют в соответствии с их распоряжениями. Никогда такие командировки не осуществляются без согласования с Предстоятелем Поместной Православной Церкви. «Русскоязычные верующие, ныне во множестве проживающие на территории Турции,— это Ваша паства, Ваше Святейшество. Мы можем, если понадобится, только помогать Вам в их духовном окормлении»,— сказал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, встречаясь в ходе своего первого официального Патриаршего визита в пределы Константинопольского Патриархата со Вселенским Патриархом Варфоломеем. Таким образом, и в случае Московского Патриархата речь идет вовсе не о «требовании всемирной этно-церковной юрисдикции» (С. 145), как представляется отцу Григорию, а о пастырской ответственности перед своим народом.

Русской Православной Церкви профессор Папатома приписывает создание еще одной «совершенно антицерковной теории “культурной канонической территории” (2000)» (С. 149, 232), многократно упоминаемой в его книге. Антицерковная суть этой теории автором не раскрывается. Отсутствуют ссылки на источники. Непонятно, с каким именно событием в 2000 г. связывается рождение этой новой страшной угрозы. Ясно только, что речь идет о безудержной русско-советской экспансии на Запад. Эта новая теория, оказывается, выручает русского гиганта там, где «государство по политическим причинам уже не может осуществить на мировом уровне с помощью своей идеологической машины» (С. 154) мощь уничтожающего наступления. Нам, однако, не известен ни один официальный документ Русской Православной Церкви, в котором бы употреблялось выражение «культурная каноническая территория». Зачем же вводить в заблуждение читателей?¹⁰¹

Опять «Третий Рим»...

Архимандрит, избравший своей специализацией обличение угроз, которые представляет Русская Православная Церковь для православного сообщества и всего цивилизованного человечества, не мог, конечно, обойти стороной и неизбежную тему «Третьего Рима». Эта «оппортунистическая и антиканоничная теория» (С. 155), которую, по убеждению автора, проповедует Московский Патриархат, покоится, как он считает, на «политическом аргументе большинства» (С. 154) и является концептуальным стержнем российской имперской политики.

Тема эта столь стара, что скучно вступать в дискуссию. Все сказанное об этом предмете доселе едва ли было услышано теми нашими греческими братьями, которые предпочитают в качестве источника вдохновения Эзоповы басни про ужасных великанов. Желаящих все же знать официальную позицию Русской Православной Церкви по этому вопросу отошлем к двум текстам, в которых она исчерпывающим образом представлена.

В 2004 г. о «Третьем Риме» заговорил один из светских докладчиков на церковно-общественном собрании в Москве. Это вызвало беспокойство в Константинополе. Тогдашний генеральный секретарь Священного Синода Константинопольского Патриархата митрополит Филадельфийский Мелитон прислал председателю Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополиту Смоленскому и Калининградскому Кириллу встревоженное письмо. Владыка заявлял, в частности, что Третьего Рима не существует, а «безрассудная теория» о таком — это «в известной степени оскорбление (в древнегреческом смысле этого слова) и хула»¹⁰². В ответном письме митрополит Кирилл (ныне Святейший Патриарх Московский и всея Руси) выразил церковную позицию следующим образом: «Идея Москвы как Третьего Рима не является официальной доктриной Русской Православной Церкви. Примечательно при этом, что она фигурирует в уложенной грамоте об учреждении в России Патриаршего престола, подписанной в 1589 году Святейшим Константинопольским Патриархом Иеремией. Последний, согласно грамоте, мотивировал дарование Русской Церкви патриаршего достоинства следующим: “Понеж убо ветхий Рим падеся Аполинариевою ересью, Вторый же Рим, иже есть Костянтинополь, агарянскими внуцы — от безбожных турок — обладаем; твое же, о благочестивый царю, Великое Российское царствие, Третьей Рим, благочестием всех превзыде, и вся благочестивая царствие в твое во едино собрася, и ты един под небесем христьянский царь именуеши во всей вселенней, во всех христианех”. Таким образом, если вы, Ваше Высокопреосвященство, кого и можете обвинять в поддержке идеи Третьего Рима, то в первую очередь Константинопольского Патриарха Иеремию. Мы, тем не менее, считаем, что все подобные теории обусловлены политическим положением Рима и Константинополя. На эту же мотивацию указывали отцы II и IV Вселенских Соборов, которые повысили статус Константинопольской Церкви до уровня Церкви Римской: “Престолу ветхаго Рима отцы прилично дали преимущества: поелику то был царствующий град. Следуя тому же побуждению, и сто пятьдесят боголюбезных епископов представили равные преимущества святейшему престолу новаго Рима, праведно рассудив, да град, получивший честь быть градом царя и синклита, и имеющий равные преимущества с ветхим царственным Римом, и в церковных делах возвеличен будет подобно тому, и будет вторый по нем” (28-е правило IV Вселенского Собора)... Верность канонам Церкви предполагает следование не только их букве, но и духу. Мы не можем забывать о той мотивации, которую отцы Вселенских Соборов положили в основу особого статуса, будь то Римской или Константинопольской Церкви. Считаем, что выдвигавшиеся ранее теории о “новом Риме” или “Третьем Риме” в связи с коренным изменением политической ситуации в мире утратили в существенной части свою актуальность. Кроме того, мы обязаны также памятовать, что все христианское упование принадлежит не граду земному, но вышнему Иерусалиму, который есть *матерь всем нам* (Гал 4. 26)»¹⁰³.

Для еще большей полноты приведем и слова из интервью Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, данного греческой газете

«Элефтеротипия» в январе 2007 г. Отвечая на вопрос издания об отношениях Русской Православной Церкви с Константинопольской Церковью и об идее «Третьего Рима», Первосвятитель сказал: «Московский Патриархат стремится развивать равноправные братские отношения со всеми Поместными Православными Церквями, в первую очередь с Константинопольским Патриархатом, от которого наш народ тысячу лет назад воспринял свет христианской веры. Обвинения нашей Церкви в желании доминировать в православном мире бездоказательны и несправедливы. Как правило, они основаны на ложных мифах, на незнании или недопонимании действительного положения вещей. Русская Церковь никогда не пыталась диктовать другим свои условия, не вторгалась на каноническую территорию других Церквей, но, напротив, сама неоднократно становилась жертвой таких вторжений. То, что в прошлом многие, в том числе и Константинопольские Патриархи, называли Москву Третьим Римом, говорит не о претензиях ее на главенство в православном мире, а о той ответственности за судьбы православной ойкумены, которую она ощущала как центр единственной в то время независимой православной державы. Именно сознание этой ответственности побуждало русских государей и их подданных заботиться о сохранении и благоуукрашении христианских святынь на Востоке, в первую очередь в Иерусалиме и на Афоне... Сейчас такие наименования, как “Третий Рим” или “Новый Рим”, уже неактуальны, поскольку не несут той смысловой нагрузки, какую они имели в прошлом: сегодня Москва является столицей светского государства, Константинополь же и вовсе утратил свой столичный статус»¹⁰⁴.

**«Северные страны»:
о титуле Предстоятеля Русской Православной Церкви
и о ее канонической территории**

С якобы проповедуемой Московским Патриархатом доктриной «Третьего Рима» отец Григорий связывает и титул Патриарха Московского и всея Руси. Новым словом в истории и каноническом праве является утверждение профессора, будто «Русский Патриархат единственный, и мы знаем теперь, по каким соображениям, взял себе титул с названием столицы и продолжает настойчиво его использовать». Отец архимандрит решительно утверждает, что «это единственный подобный случай — название (в титуле.— *Н. Б., И. П.*) города, а не страны, где образована Поместная Церковь, так, как во всех других патриархатах (Румынский, а не Бухарестский Патриархат, Грузинский, а не Тбилисский Патриархат и т. д.)» (С. 155).

Это удивительное открытие, «разоблачающее» злокозненные планы глаголемого «Третьего Рима», однако, очень легко опровергается при обращении к диптиху Предстоятелей Поместных Церквей. Там мы видим Константинопольского Патриарха (а не Турецкого), Александрийского (а не Египетского или Африканского), Антиохийского (а не Сирийского), Иерусалимского (а не Израильского). Следующее место, как известно, занимает Патриарх Московский и всея Руси. Впрочем, его полный и первоначальный титул,

не самовольно на себя взятый, а усвоенный Предстоятелю Русской Церкви Великим Константинопольским Собором 12 февраля 1593 г., звучит, как известно, так: Патриарх Московский, и всея России, и северных стран. Именно таким образом участвовавшие в этом Соборе Патриарх Константинопольский Иеремия, Александрийский св. Мелетий Пигас (получивший полномочия и от Антиохийского Иоакима) и Иерусалимский Софроний указали впредь именоваться своему собрату: «Надписываться и подписываться по обычаю Патриархов православных: “Патриарх Московский, и всея России, и северных стран”» (Πατριάρχης Μοσκόβου καὶ πάσης Ῥωσίας καὶ τῶν ὑπερβορείων μερῶν)¹⁰⁵.

Этот обычай (с некоторыми вариациями) неизменно содержался Патриархами Русской Церкви вплоть до упразднения Патриаршества при императоре Петре I. Приведем лишь немногие примеры. Первый Русский Патриарх Иов в ряде документов титуловался так: «Патриарх Владимиро-Московский, и всея Руси, и всех гиперборейских¹⁰⁶ земель, и всего Северного края». Патриарх Никон подписывался: «Архиепископ царствующаго града Москвы и всеа Великия, и Малыя, и Белья России, и всеа северныя страны, и Помория, и многих государств Патриарх»¹⁰⁷.

В послании Святейшему Константинопольскому Патриарху Иакову от гетмана Малороссии Ивана Самойловича (1685 г.) содержится напоминание о Константинопольском Соборе 1593 г.; его постановление здесь передается в таких словах: «Блаженнейший Иеремей, Патриарх Вселенский, и прочие Святейшие Патриархи восточнаго исповедания, и Преосвященные митрополиты, и архиепископы, и епископы, имеюще по сем Собор в Цареграде, подали свое соборное слогом письмен благословение Святейшему Иеву, Московскому и всеа России Патриарху, благословляюще нарицатися Патриархом всех российских и северных стран и народов»¹⁰⁸.

В своем духовном завещании Патриарх Иоаким († 1690 г.) именуется: «Раб грешный Господа Бога Иоаким, Патриарх Московский, и всеа Росии, и всех северных стран»¹⁰⁹. На гробнице же Патриарха Иоакима в Успенском соборе Московского Кремля читаем: «Всетворца Бога благоволением и пределоположением великий господин Святейший кир Иоаким, Московский, и всея России, и всех северных стран Патриарх». Там же, в Успенском соборе, на гробе Патриарха Адриана († 1700 г.) начертано: «Великий господин Святейший кир Адриан, архиепископ Московский и всея России, и всех северных стран Патриарх». Свое послание к нему царь Петр Алексеевич адресует так: «Всесветейшему кир Адриану, Божиею милостию архиепископу Московскому и всеа Росии и всех северных стран Патриарху»¹¹⁰.

В летописном списке начала XVIII века читаем: «Изображение великие соборные Церкви Всероссийскаго и всех северных стран Патриарша престола приключившихся дел в разные времена и лета, писаная при святых Патриархах кир Иоакиме и кир Адриане Московских»¹¹¹. Соответственно титуловали Московского Патриарха и восточные Первосвятители. Так, Патриарх Иерусалимский Досифей в своих посланиях к Патриарху Адриану именовал его: «Блаженнейший и Святейший Патриарх великого града Москвы, и всея

России, и всех северных стран»¹¹², «архиепископ великого царствующего града Москвы и всея России и всех северных стран Патриарх»¹¹³, «Блаженнейший, Святейший и пречестнейший Патриарх царствующей великой Москвы, и всея Великия, и Малыя, и Белья России, и всея северныя страны»¹¹⁴. Патриарха Иоакима Иерусалимский Предстоятель именовал в своем послании 1682 г. еще более пространном титулом: «Блаженнейший и Святейший Патриарх царствующего града Москвы, и всея Великия России, сарматский, массагетский, савроматский, скифский, ирканский, и всех северных стран»¹¹⁵. Один из последних известных нам случаев письменно засвидетельствованного официального употребления полного титула Московского Патриарха относится к 1948 г. Блаженнейший Патриарх Александрийский и всей Африки Христофор, приветствуя Святейшего Алексия I по случаю 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви, именует своего собрата «Патриархом Московским, и всея Руси, и гиперборейских стран»¹¹⁶.

При восстановлении Патриаршества в 1917 г., к сожалению, титул Патриарха не был приведен в соответствие с постановлением Константинопольского Собора Восточных Патриархов 1593 г., и это упущение, по нашему скромному мнению, подобало бы во благовремени исправить. Об историческом титуле напомнил Местоблюститель Патриаршего Престола, ныне Святейший Патриарх Кирилл, в своем докладе на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 27 января 2009 г.¹¹⁷

Какие же северные страны имели в виду Восточные Первосвятители в 1593 г.? Этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании. Древние греки верили, что «блаженные гипербореи» обитают к северу от Фракии, где, согласно эллинской мифологии, жил бог северного ветра Борей. Обитатели Византийской империи, судя по свидетельству Стефана Византийца (VI в.), называли гиперборейскими странами области Евразии, находившиеся к северу от Рифейских гор, которые ныне без уверенных оснований отождествляются разными авторами то с Альпами, то с Уралом. Вообще же, византийские представления о географии удаленных от ойкумены стран были весьма приблизительными и не простирались дальше учения о климатических поясах Земли, отличающихся по продолжительности светового дня. Устье Днепра относили уже к северному поясу, за которым следовали окраинные гиперборейские земли¹¹⁸. Впрочем, и южнорусскую Галицу Никита Хониат в своей «Истории» (конец XII — начало XIII в.) характеризовал как «одну из топархий, принадлежащих россам, которых называют также гиперборейскими скифами»¹¹⁹. То же повторяет за ним «Хроника» Феодора Скутариота (конец XIII в.)¹²⁰. Разумеется, от этих относительно известных византийцам областей гиперборейские земли простирались до крайних северных пределов. Северное море именовалось Гиперборейским океаном — так описывает его Плифон (XV в.) в дополнениях к «Географии» Страбона¹²¹. Каспийское море византийцы называли Северным, как явствует из «Алексиады» Анны Комниной (XII в.)¹²², северными же народами в Византии того времени именовали абхазов (абазгов), аланов, даков и русских. Стоит напомнить, что ранее, в IX–X вв., византийцы называли росами (Ῥῶς) полиэтнические вооружен-

ные отряды северного, скандинавского, происхождения, совершавшие набеги на Константинополь¹²³.

Во всяком случае, можно не сомневаться, что земли Балтии, о которых ко времени Палеологовской эпохи византийские ученые уже получили более полное представление и даже знали о существовании Ревеля (Ρήβουλε)¹²⁴, в число «северных (гиперборейских) стран» определенно входили. Это охотно подтверждает и профессор Папатома: «В древние времена византийцы, географически изучая североевропейские территории, называли страны Балтии “Северной землей”, которая находится “вне России”» (С. 157). За это разъяснение мы благодарны архимандриту Григорию. Однако с его учетом выглядит в высшей степени странным следующее утверждение того же автора: «Эстония по томосу об автокефалии (1589/1593) никогда не принадлежала Русской Церкви» (С. 148). Профессору канонического права надлежало бы все же хотя бы бегло просматривать исторические документы, на которые он ссылается. В данном же случае очевидно, что отец Григорий не только не знаком с источниками *de visu*, но и не знает их точного наименования. Автокефалия Русской Церкви была установлена в 1448 г. (и, как мы указывали выше, в 1948 г. Александрийский Патриарх, да и другие Восточные Патриархи, включая Константинопольского, поздравляли Святейшего Патриарха Алексия I с 500-летием этого события)¹²⁵. В 1589 г. последовало возведение Предстоятеля Русской Церкви в Патриаршее достоинство. Но документ, подписанный тогда Святейшим Вселенским Патриархом Иеремией, именовался не томосом, а уложенной грамотой¹²⁶. Не назывался томосом и акт Великого Константинопольского Собора 1593 г., о котором мы говорили выше. Он надписан: «Соборное деяние Святого и Священного Великого Собора».

Таким образом, остается совершенно необоснованным и вступает в очевидное противоречие с историческими реальностями бездоказательное утверждение архимандрита Григория о том, что Литва, Латвия, Эстония и Финляндия, «если не считать периода завоевания силой русского оружия, исторически никогда не входили в состав России и тем более в церковную юрисдикцию Российского Патриархата» (С. 157–158). А ведь именно на утверждении о том, что «северные страны» никогда не входили в юрисдикцию Московского Патриархата, строится вся воинственная риторика профессора, насыщенная угрозами и обвинениями в адрес Русской Православной Церкви: «Пора Русскому Патриархату — после окончательного провала своей политики церковного поглощения — перестать без конца выказывать по отношению к автономной православной Церкви Эстонии (речь идет о церковной организации Константинопольского Патриархата. — *Н. Б., И. П.*) свое враждебное, несправедливое и неоправданно агрессивное отношение колониального типа, не имеющее ничего общего с экклезиологией и каноническим Преданием православной Церкви. За это поглощение Церкви, которое Московский Патриархат осуществлял по отношению к Церкви Эстонии... за это противное церковному сообществу, халкидонскому учению и святым канонам дело *он должен ответить перед всеми православными Церквями, затем перед всеми христианами и перед всем человечеством* (курсив наш. — *Н. Б., И. П.*)».

Наши пожелания скромнее. Хотелось бы, чтобы отец Григорий ответил перед своей совестью за беспочвенные и крайне грубые оскорбления в адрес Русской Церкви и ее Патриарха — последние из уважения к памяти нашего почившего Первосвященителя мы не находим возможным цитировать в этом отзыве (см., например, с. 155–156, 158).

О православном понимании толерантности

Беспочвенные упреки в адрес «империалистической» Русской Церкви, якобы незаконно простирающей свою юрисдикцию за пределы Российской Федерации и будто бы не уважающей канонические территории других Поместных Православных Церквей, сопровождаются в книге отца Григория и обвинениями иного рода, совсем уже странными для православного клирика и профессора канонического права. Видимо адресуясь главным образом к инославным слушателям своих докладов или же к светским властям европейских стран и стремясь к созданию образа опасного врага культурного человечества, архимандрит ставит в вину Московскому Патриархату отсутствие толерантности. По его мнению, масштаб проблемы, возникающей в связи с представлениями Русской Православной Церкви о своей канонической территории, включающей страны Балтии, возрастает в связи с тем, что «ни одна другая Церковь рядом с Русской Церковью не существует и не имеет права существовать... Р[усская] П[равославная] Ц[ерковь] не признает на этой территории ни одной другой православной Церкви и, шире, вообще ни одной Церкви — ни католической, ни протестантской» (С. 146). Следуют выражения негодования: как же можно считать независимые государства своей канонической территорией «и в то же время не признавать существования других Поместных Церквей того же вероучения на своей родине» (С. 147).

Между тем в другой статье, входящей в ту же книгу, но не предназначенной для неправославной аудитории, отец Григорий, рассматривая вопрос «с соборной и канонической точек зрения», и на сей раз в интересах представляемого им Патриархата вдруг вспоминает вполне общеизвестную норму православного права: «Не может быть двух церковных юрисдикций в одном географическом регионе, точно так же как и статуса двойной юрисдикции на одной (государственной) территории... На каждом месте может существовать только одна каноническая церковная юрисдикция» (С. 183, 190. Ср.: С. 188). Так в чем же тогда упрекать Русскую Церковь? В том, что «убежденно считая регион Эстонии автономной частью исторической канонической территории Московского Патриархата»¹²⁷ на протяжении многих веков, она не может считать нормой канонического права вторжение сюда другой юрисдикции, внесшей разделение в среду православных верующих страны? Но даже и в этом отношении Русская Церковь пошла на огромные уступки Константинопольскому Патриархату, ради мира церковного и во избежание раскола вселенского масштаба согласившись по крайнему снисхождению на временное отступление от соборно установленных норм в Цюрихских договоренностях, превратно толкуемых архимандритом Григорием (о чем речь пойдет ниже).

Совершенно другое дело — область межхристианского сотрудничества с неправославными братьями. С ними у Русской Церкви нет, не было, да и не может быть спора по вопросу канонической территории в Прибалтике. С лютеранами и католиками Эстонской Православной Церкви делить нечего: они веками действуют в Эстонии. Сотрудничая вопреки воле главы константинопольской юрисдикции митрополита Стефана в Совете Церквей Эстонии, одним из основателей которого был покойный Патриарх Алексий в бытность свою Таллинским митрополитом, православные Эстонии, верные Московскому Патриархату, делом опровергают утверждение автора, будто «Русская Православная Церковь не признает как религиозное объединение никакую... католическую или протестантскую Церковь данного региона» (С. 230).

Православная Церковь и инославные конфессии не находятся в одном церковно-правовом поле. Между нами, к сожалению, нет единства, оно разрушено много веков назад. Но в одном церковно-правовом пространстве пребывают Поместные Церкви, составляющие вместе Вселенскую Церковь, и если одна из них допускает (не только со своей стороны, но и в отношении себя) нарушения канонического плана в межцерковных отношениях, то грешит против всей Церкви, разрушая ее единство и попирая тот самый «гео-эклесиологический принцип», в несоблюдении которого обвиняет Московский Патриархат архимандрит Григорий.

**Об «изначальном праве юрисдикции» и упразднении
«всех этих современных Поместных Православных Церквей»**

Стараясь найти оправдание вторжению иной юрисдикции на каноническую территорию Русской Православной Церкви в 1996 г., отец Григорий привлекает еще одну оригинальную теорию, которую он пытается ввести в науку канонического права еще с 90-х гг. прошлого века. Речь идет о некоем «изначальном праве юрисдикции» над Эстонией, которое принадлежит Константинополю. Сознывая, что в канонической традиции православной Церкви не находится оснований для подобного нововведения, профессор ссылается на французское административное право, в котором используется такой термин. Правда, наш автор признает, что сам он вкладывает в него «новое содержание» (С. 197), оставляя его, впрочем, изложенным весьма туманно за исключением основного вывода: Эстония представляет «территорию изначальной юрисдикции» Вселенского Константинопольского Патриархата. Следовательно, с церковной точки зрения и с точки зрения православной церковной юрисдикции, Эстония тоже относится к юрисдикции Вселенского Константинопольского Патриархата.

И не только Эстония. Отец Григорий берет шире и относит к этой «территории изначальной юрисдикции» Константинопольского престола 9 автокефальных Церквей — «а именно: Церкви России, Сербии, Румынии, Болгарии, Грузии, Греции, Польши, Албании, Чехии и Словакии» (С. 199). Не останавливаясь на том очевидном факте, что после предоставления законных автокефалий «изначальная юрисдикция» остается лишь фактом церковной

истории, не имеющим никакого актуального церковно-канонического значения, отметим, что и здесь наш профессор проявляет весьма приблизительное знакомство с историей Поместных Православных Церквей. Так, Грузинская Церковь никогда не принадлежала юрисдикции Константинополя, а автокефалию свою возводит к Антиохийскому Патриархату. Территория Польши под юрисдикцией Константинополя тоже не находилась, почему и автокефалия, предоставленная Польской Православной Церкви Константинопольским Патриархом в 1924 г. (также в результате давления на иерархов Польши со стороны антирусски настроенного правительства)¹²⁸, была признана незаконной после Второй мировой войны самим польским священноначалием, которое покалось в своем участии в этом неканоническом акте и в 1948 г. получило законную автокефалию от Московского Патриархата. Московский Патриарх предоставил также автокефалию Православной Церкви в Чешских землях и Словакии, и нынешний ее Предстоятель Блаженнейший Митрополит Христофор (как и все его предшественники) неоднократно подтверждал, что Матерью Церковью для Церкви, возглавляемой им, является именно Русская Православная Церковь. Причем те церковные структуры, на основе которых возникла со временем новая автокефалия, были созданы много позднее тех времен, когда сама Русская Церковь была еще Константинопольской митрополией.

Впрочем, для отца Григория «изначальная юрисдикция» является не просто предметом исторических рассуждений. По его разумению, автокефалия — это что-то вроде временного мандата, который за неправильное поведение может быть и отозван. Поэтому если Русская Церковь и дальше не будет слушаться нашего профессора и выдвигать требования, которые он относит к «национально-этническому типу» (?), то надо попросту «упразднить патриархию, автокефалию или автономию всех этих современных Поместных Православных Церквей» (С. 204). Вот так, всех разом. Тут для отца Григория нет ничего трудного, ведь по его теории «все современные патриаршие Церкви — это автокефальные Церкви, которые носят *просто почетный титул патриархов* (курсив наш. — Н. Б., И. П.), поскольку не только их почетное патриаршее достоинство, но и их автокефалия еще должны быть подтверждены Собором» (С. 182). Очень удобным представляется автору такое разделение «патриарших Церквей» на обладающих патриаршеством и автокефальностью соответственно первого и второго сорта и, таким образом, не совпадающих в своем достоинстве. И нужды нет, что патриарший сан Предстоятеля Русской Церкви, как хорошо известно, был утвержден Собором восточных Патриархов в Константинополе в 1590 г., а затем вновь подтвержден Великим Константинопольским Собором в 1593 г.¹²⁹

А дальше из вышесказанного делается знаменательный вывод: «По всем этим историческим и каноническим причинам, которые мы только что рассмотрели, законное правительство Эстонии совершенно право, обращаясь для восстановления эстонской православной церковной автономии к Вселенскому Патриархату, а не к Российскому. В свою очередь, то, что Вселенский Патриархат ответил на эту просьбу, совершенно оправдано настоящим каноническим положением вещей» (С. 204). Заказ исполнен.

Отметим, однако, честное признание того факта, что отделившаяся от Русской Православной Церкви юрисдикция в Эстонии — продукт обращения ко Вселенскому Патриарху со стороны отнюдь не православных верующих и их иерархов, уполномоченных выражать их голос, а чуждых православию светских властей страны, Конституция которой гласит, что государственной Церкви в Эстонии нет (ст. 40). Раньше факт такого обращения в Константинополь неправославных государственных деятелей многократно пытались замалчивать и даже отрицать, теперь о политическом характере церковного раскола в Эстонии говорят открыто, как и о вызвавших его к жизни силах. Что же, это шаг в верном направлении.

Трудно удержаться от приведения еще одной цитаты из книги архимандрита Григория: «То, чего не может сделать политика из-за международных политических обязательств, делает Церковь, и делает чисто политическим и конкретным образом, к тому же скрываясь за видимостью церковных интересов» (С. 149). Вполне адекватное описание вышеописанного сговора с участием эстонского правительства. Только вот в прикрытии политических задач церковными интересами отец Григорий пытается обвинить... Московский Патриархат. Что это, как не практика двойных стандартов во всей ее очевидности?

Цюрихские договоренности и их искаженная трактовка

Мы не хотели бы делать предметом нового полемического обсуждения историю эстонского раскола 1990-х гг.¹³⁰ Слишком болезненной является и поныне эта тема, слишком чувствительной для отношений между двумя великими Церквями. А от этих взаимоотношений во многом зависит будущее мирового православия. Однако некоторые утверждения отца Григория нельзя оставить без правдивого ответа. Прежде всего это касается вопроса о содержании Цюрихских договоренностей, на основании которых в мае 1996 г. было восстановлено общение между Московским и Константинопольским Патриархатами, прерванное вследствие событий в Эстонии¹³¹. То ли не ознакомившись с содержанием этого весьма важного документа, то ли намеренно вводя читателей в заблуждение, архимандрит Григорий утверждает, что данным соглашением признавались «как Эстонская Автономная Православная Церковь, так и епархия Русской Православной Церкви в Эстонии. И все же Р[усская] П[равославная] Ц[ерковь] до сих пор не выполняет этого договора» (С. 147, 231)¹³². На этой трактовке автор и строит дальнейшее изложение, доказывая необоснованность «давления» и «антиканонических требований» (С. 211) Русской Церкви, среди которых якобы «каноническое признание русских православных общин “православной Церковью Эстонии”» (С. 187, 218), «российское требование двустороннего признания юрисдикции» (С. 188) (?), «явно этно-религиозное и ирредентистское притязание» (С. 191) и т. п.

Однако достаточно обратиться к тексту Цюрихских договоренностей, чтобы убедиться: они вообще не затрагивают вопрос о каноническом статусе православия в Эстонии. Обсуждение данного вопроса предполагалось начать

после полного выполнения всех договоренностей, достигнутых в Цюрихе, поскольку условием плодотворного диалога на эту тему является устранение фактической дискриминации и несправедливости по отношению к одной из сторон. Текст, утвержденный Священными Синодами обоих Патриархатов в мае 1996 г., не содержит по этой причине наименования церковных структур в Эстонии, состоящих в юрисдикции каждого из них. В частности, вопреки утверждениям отца Григория в Цюрихских договоренностях нет ни одного упоминания об Эстонской Автономной Православной Церкви, как и об епархии Русской Православной Церкви в Эстонии (поскольку Московский Патриархат убежден, что с 1992 г. имеет в Эстонии не епархию, а восстановленную в своем автономном достоинстве Эстонскую Православную Церковь)¹³³. В соглашении говорится о Патриархатах, их юрисдикциях и приходах в Эстонии, а также о защите гражданских прав этих приходов и об обеспечении для них свободы волеизъявления в определении их юрисдикционной принадлежности.

Точно так же и в согласованных документах, отражающих итоги последующих переговоров официальных делегаций двух Патриархатов, говорится: «Стороны подтвердили свое желание содействовать нормализации отношений между *двумя православными юрисдикциями в Эстонии* (курсив наш. — Н. Б., И. П.)» (2001 г.)¹³⁴; «стороны признали целесообразным в рамках переговорного процесса достигнуть всеобъемлющего соглашения, которое будет включать как решение по вопросу церковного недвижимого имущества в Эстонии во исполнение Цюрихских договоренностей 1996 года, так и решение по вопросу канонического статуса *церковных юрисдикций Константинопольского и Московского Патриархатов в этой стране* (курсив наш. — Н. Б., И. П.)» (2008 г.)¹³⁵. Таким образом, до настоящего времени оба Патриархата считают вопрос канонического статуса указанных юрисдикций предметом дальнейших переговоров, условием которых является и урегулирование вопроса о церковном имуществе.

Действительно, Цюрихские договоренности до настоящего времени не исполнены в важной части. Но не по вине Московского Патриархата, как утверждает архимандрит Григорий. Один из пунктов этого документа гласит: «Два Патриархата будут совместно сотрудничать в вопросе представления их позиции перед эстонским правительством с целью, чтобы все православные в Эстонии получили одинаковые права, включая право на имущество»¹³⁶. Однако до сего дня все предложения по этому вопросу, подготовленные представителями двух Патриархатов и одобренные их Священными Синодами, последовательно отвергались руководством церковной организации, отделившейся от Русской Православной Церкви. Не при ее содействии, а вопреки ее воле Эстонская Православная Церковь Московского Патриархата была, наконец, признана Эстонским государством и получила официальную регистрацию в 2002 г. Однако до настоящего времени многие ее приходы могут пользоваться своими храмами лишь на правах аренды, в то время как церковная структура константинопольской юрисдикции стала собственницей и храмов, и всех видов недвижимого имущества, включая доходные дома

и земельные участки, притом и того имущества, которое до советской национализации принадлежало приходам, входящим в состав Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. Такое гражданское неравноправие, к сожалению, является результатом усилий наших братьев, относящихся к другой церковной юрисдикции. Мы не хотели бы здесь далее развивать эту печальную тему, но в отличие от профессора Папатомамы готовы при необходимости подтвердить документами каждое из наших утверждений¹³⁷.

Подытоживая сказанное словами одного из текстов, выражающих официальную позицию Русской Православной Церкви, «сохраняющиеся не по вине Московского Патриархата препятствия на пути к осуществлению равноправия православных верующих в Эстонии означают, что Цюрихские договоренности 1996 г. донныне остаются нереализованными, в связи с чем между двумя Патриархатами так и не были начаты переговоры по вопросу о каноническом урегулировании положения православия в Эстонии. Таким образом, канонический статус существующей там церковной организации, находящейся в ведении Константинопольского Патриархата, остается спорным вопросом, по которому имеются разные точки зрения у различных Поместных Православных Церквей». Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что «на направленный в 2001 г. Предстоятелям Православных Поместных Церквей запрос Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II о том, признают ли они в качестве автономной Церкви Эстонскую Апостольскую Православную Церковь, возглавляемую с 1999 г. митрополитом Стефаном, ни один из Предстоятелей не ответил положительно»¹³⁸. Косвенно подтверждает отсутствие признания и архимандрит Георгий, когда пишет: «Дело Эстонии... показало ясно, что суду самих событий подверглась не Эстонская Православная Церковь, а православные всего мира, и они осудили сами себя» (С. 216).

Что же касается позиции самого Московского Патриархата, она ясно выражена в определении Архиерейского Собора 2000 г., который заявил, что «не считает возможным положительно ответить на предложение Священноначалия Константинопольской Православной Церкви о признании Русской Православной Церковью канонического статуса автономии за церковной юрисдикцией Константинопольского Патриархата, присутствующей в Эстонии с 1996 г., поскольку признание за ней такого статуса не соответствует в полной мере историческому развитию и современному состоянию всего православия в Эстонии»¹³⁹.

По утверждениям архимандрита Григория, один из главных аргументов в отстаивании Московским Патриархатом своих юрисдикционных прав в Эстонии — это якобы «принцип, что в свободном государстве “численно преобладающая” Церковь представляет собой единственную Церковь» (С. 188). В действительности же аргумент большинства в диалоге двух Патриархатов по эстонскому вопросу в 1990-х гг. активно использовался как раз не Москвой. Так, объясняя решение Священного Синода Константинопольского Патриархата о возобновлении своей юрисдикции в Эстонии, его генеральный секретариат утверждал, что не может игнорировать как «неотступного

требования правительства Эстонии», так и «права Эстонской Православной Церкви, более двух третей которой, то есть 67%, испытывая невыносимое давление со стороны Русской Церкви в виде постоянных прещений и епитимий, неуклонно требуют возобновления действия прежней церковной автономии, существовавшей до 1945 г. и упраздненной Советами»¹⁴⁰. При сопоставлении этих данных с приведенными выше сведениями Министерства внутренних дел Эстонской Республики мы убеждаемся в том, что священноначалие Константинопольской Церкви, к сожалению, было введено политиками в заблуждение¹⁴¹.

Совершенно превратно отец Григорий пытается представить Эстонскую Православную Церковь Московского Патриархата в качестве совокупности именно *этнических русских* общин (С. 183, 187, 213, 216, 218), усматривая в этом «предпочтение безудержному национализму» (С. 211). Хорошо известно, что Эстонская Православная Церковь Московского Патриархата отнюдь не состоит из этнически русских общин: в ее состав входит немалое число православных эстонцев (как и многих других народов), которые широко представлены и среди ее клира. Богослужения в ее храмах совершаются как на церковнославянском, так и на эстонском языках. Это одна из причин, по которым она долгое время отказывалась от предложений государственной регистрации в качестве «Русской Православной Церкви в Эстонии», предпочитая оставаться не признанной Эстонским государством, но не изменять своему имени, определяемому отнюдь не этническим, но территориальным принципом, общим для православной Церкви.

Ошибочными являются попытки представить разделение православия в Эстонии как происшедшее по национальному признаку: с одной стороны, эстонцы, якобы угнетавшиеся в годы оккупации Русской Православной Церковью (марионеточной структурой советской власти), с другой — русские, поселившиеся на эстонской земле в годы оккупации, навязывающие свою волю правопреемным православным эстонцам и препятствующие восстановлению их свободы, в том числе и в церковном плане. С целью создать такое впечатление автор настойчиво использует неоправданные обобщения, называя, например, клириков и мирян, пожелавших выйти из ведения Московского Патриархата, «эстонцами» (С. 159 и др.) (как если бы все эстонцы жаждали разлучения с русскими и иными братьями по вере). Нам трудно привести точные данные о численности мирян, но, как уже говорилось выше, половина клириков-эстонцев осталась в лоне Матери Церкви. Что же касается национальных чувств и патриотизма — этому у них можно было бы только поучиться.

Даже инициаторы раскола акцентировали в качестве побудительной причины разделения не свое этническое происхождение, а гражданство Эстонской Республики, пожелав отделиться от тех, кто таковым не обладал. Вслед за противоречившей законам Эстонии государственной регистрацией организации под именем Эстонской Апостольско-Православной Церкви со «стокгольмским синодом» в качестве церковного правления летом 1993 г. регистрировать свои приходы в составе этой раскольнической организации

первыми принялись 3 клирика (протоиереи Эммануил Кирсс, Валентин Савин и Симеон Кружков), двое из которых — русские.

Эстонско-этнический характер отделившихся общин, напротив, всячески подчеркивался в годы трудных переговоров об урегулировании эстонского церковного вопроса представителями Константинопольского Патриархата. В одном из писем, адресованных Святейшему Патриарху Алексию, прямо говорилось: «Как может называться эстонской Церковью, состоящая из русских иммигрантов?» При этом подчеркивалось, что именно православные эстонцы, «будучи отдельным народом, имеют право, согласно 34-му правилу святых апостолов, образовать свою Церковь со своими епископами из числа их собственного народа»¹⁴². Московскому же Патриархату приписывалось мнение, будто «православие может быть только славянским или греческим и что любой, кто хочет стать православным, должен сначала стать греком или русским»¹⁴³.

Цюрихские договоренности, на которые «Русская Православная Церковь пошла “по крайней икономии”, глубокому снисхождению, добровольно ущемляя свои принципиальные канонические позиции ради восстановления канонического единства между православными верующими двух юрисдикций не только в Эстонии, но и во всем мире»¹⁴⁴, архимандрит Григорий теперь пытается использовать для обвинения Русской Церкви в нетерпимости и непоследовательности, в нарушении канонического церковного строя. Так, автор обращает внимание на то, что характерная для стран так называемой православной диаспоры практика сосуществования многих юрисдикций на одной территории «в наши дни завоевывает пространство внутри канонических православных Церквей. Случай Эстонии — прекрасный пример, дающий возможность видеть и обличить возникновение и формирование этого явно антиканонического искажения. Его отличают две характерные черты: отказ от единой церковной юрисдикции, совпадающей с государственными границами Эстонского государства, и организация автономной и независимой жизни двух церковных организмов в масштабе страны» (С. 211). Совершенно верно! Но разве введение параллельной юрисдикции другого Патриархата на канонической территории восстановленной в своем автономном статусе Эстонской Православной Церкви было инициативой Москвы?

«Если представить себе каноническое признание этой двойной юрисдикции, то есть существование двух церковных общин, полностью независимых одна от другой,— пишет архимандрит Григорий,— то Таллин станет престолом двух православных архиепископов, носящих один и тот же титул в единой Православной Церкви Эстонии» (С. 211–212). Таллин, увы, уже является кафедральным городом двух митрополитов, именующихся тождественным титулом! Но неужели ответственность за эту каноническую несообразность может быть возложена на Русскую Церковь? Задолго до 1999 г., когда в Таллине появился второй архиерей «Таллинский и всея Эстонии» при здравствующем первом носителе этого титула, Ревель (Таллин) присутствовал в титуле митрополитов Санкт-Петербургских и Ревельских (с 1770 г.), а первым епископом Ревельским (Таллинским) еще в 1817 г. стал святой Филарет, будущий прославленный митрополит Московский. Архиереем Русской Православной

Церкви был и первый архипастырь эстонец, епископ Ревельский святой Платон, получивший этот титул 100 лет спустя. Русской же Церковью был хиротонисан и возведен на кафедру архиепископа Ревельского и всея Эстонии первый Предстоятель автономной Эстонской Церкви в 1920 г. Удивительно ли после этого, что Русская Церковь не могла последовать призыву признать назначенного на давно занятую кафедру митрополита в качестве «канонического и законного Первоиерарха Эстонской Православной Церкви»^{145?}

Занимательная казуистика

Центральное место в книге отца Григория занимает составляющий большую ее часть этюд, посвященный 39-му правилу Трулльского Собора, которое автор провозглашает «соборным решением, упредившим “вопрос о православной Церкви” в сегодняшней Эстонии» (С. 167)¹⁴⁶. Здесь греческий канонист старается оценить нынешнюю ситуацию сосуществования двух юрисдикций в Эстонии с точки зрения данного правила, усматривая именно в нем «соборное предвидение» (С. 169) сегодняшней проблемы. Суть 39-го правила отец Григорий передает в следующей форме: «Право автокефалии или автономии, канонически предоставленное какой-либо Церкви, остается в силе, пока ее церковное тело существует как таковое. Местоположение не меняет содержания прав, которые эта Церковь получила, пока условия явным образом исполняются» (С. 175).

Как известно, 39-е правило Трулльского Собора решило каноническую коллизию, возникшую в связи с эвакуацией киприотов со своего острова, когда во время войны Византии с Арабским халифатом во 2-й половине VII в. православным жителям острова угрожало истребление наступающим врагом. Понимая, что не в состоянии защитить своих подданных на их родине, император Юстиниан II организовал эвакуацию христианского населения Кипра в провинцию Геллеспонт. Кипрская Церковь, которая уже тогда была автокефальной, практически полностью во главе со своим архиепископом Иоанном и другими архиереями переселилась в указанную императором провинцию. Это была временная мера, длившаяся около 10 лет, но осуществили ее более чем основательно: был выстроен новый город — Новая Юстиниана (доныне присутствующая в титуле Кипрских архиепископов), а статус Церкви Кипра рассматривался на Пято-Шестом Трулльском Соборе, проходившем в Константинополе в 691 г.

Духовенство и миряне автокефальной Церкви Кипра, переселившись, оказались на канонической территории Константинопольского Патриархата и должны были подчиняться Первоиерарху этой территории. С другой стороны, эта Церковь была, во-первых, автокефальна и переподчинение другой автокефальной Церкви вносило бы в ее существование принципиальное изменение (автокефальная Церковь прекратила бы свое каноническое бытие), во-вторых, она переселилась компактно, и ей сразу же была очерчена своя территория.

Собор принял во внимание все аспекты и, чтобы не допустить даже временного прекращения автокефального статуса одной из Церквей-сестер, постановил сохранить «неизменными преимущества, данные престолу» (С. 172) архиепископа Иоанна, передавая ему власть над всей Геллеспонтской областью: не только над киприотским населением, но и над местным клиром и мирянами (т. е., временно упраздняя власть Константинопольского Патриарха на этой территории). Более того, во избежание растворения самобытности Церкви Кипра правило предусматривает, что все епископы Геллеспонта, в том числе и из коренного населения, поставляются архиепископом Нового Иустинианополя, а сам архиепископ поставляется «от своих епископов, по древнему обычаю». Приведенный профессор Папатомасом весьма пространный анализ 39-го правила в основном сводится к многократному повторению текста канона с выделением жирным шрифтом то одних его слов, то других. Автор называет этот прием «углубленным рассмотрением» (С. 186). Однако аналогия с ситуацией в Эстонии, которая кажется отцу Григорию очевидной, от этих повторений и подчеркиваний нисколько не становится более убедительной. Конечные выводы анализа таковы. «Соблюдая пропорции», автор предлагает 39-й канон «прочитать следующим образом: “Поскольку брат и сослужитель наш Стефан, Предстоятель Церкви Эстонии, вместе со своим народом по причине варварских нашествий и, дабы освободиться от иноземного рабства, поселился на берегу Балтийского моря помышлением человеколюбивого Бога и старанием правительства эстонского народа, то мы постановляем: да будут сохранены неизменными преимущества, данные престолу его богоносными отцами, предоставленные ему в 1923, да обладает Таллин правами, данными ему Церковью, а учреждаемый в нем боголюбивый епископ да начальствует над всеми епископами государства Эстония... Епископ же русских приходов государства Эстония подчиняется Предстоятелю названного города Таллина”» (С. 192–193), – и т. д.

Тут что ни слово, то загадка. Откуда прибыл «вместе со своим народом» брат наш Стефан, явившийся на свет в Африке от родителей-киприотов¹⁴⁷, а затем служивший во Франции? Какой народ должен быть признан «своим» для сего архипастыря? От каких «варварских нашествий» бежал он на берега Балтийского моря, от какого «иноземного рабства» желал этим бегством освободиться? Или все же имеется в виду бегство православных эстонцев, приведшее их... в Таллин? Толкование, как кажется, обидное для эстонского народа, который на протяжении многих столетий составляет коренное население обитаемой им земли.

Если говорить о Русской Церкви, то и она никуда не переселялась «по причине варварских нашествий». Она, оставаясь на земле, освященной подвижами ее святых, претерпевала гонения и скорби, умалялась в численности своих членов, но не в верности Христу. Что же касается Эстонии, то ее территория закономерно входит в каноническое пространство Московского Патриархата как одна из «северных стран». Церковь Русская, предоставившая Эстонской Православной Церкви в 1920 г. церковную автономию (которую, как видели мы выше, не отрицали ни ранее, ни теперь Предстоятели святой

Константинопольской Церкви), в силу исторических обстоятельств была вынуждена в 1940-х гг. временно отказаться от автономного статуса Эстонской Церкви, но приступила к его восстановлению, как только в изменившихся политических условиях это оказалось возможным. И это восстановление, бесспорно, предшествовало принятому в 1996 г. решению Константинопольского престола, которым был реанимирован в своем действии акт Святейшего Патриарха Мелетия IV (Метаксакиса). Русская Церковь никогда не признавала и не признаёт законным это деяние отвергнутого своим же церковным народом реформатора святых канонов, составляющее темную страницу церковной истории.

Поэтому все рассуждения архимандрита Григория о том, что «не может быть двух церковных юрисдикций в одном географическом регионе, точно так же как и статуса двойной юрисдикции или двух автокефальных Церквей на одной (государственной) территории» (С. 183, ср.: С. 184), мы вполне готовы принять, но при ясном понимании того, *какая* церковная юрисдикция незаконно появилась сначала в 1923 г., потом в 1996 г. в пределах давнишней, многовековой и определенной Великим Константинопольским Собором юрисдикции Московского Патриархата. Если же предположить, исходя из толкования архимандритом Григорием смысла 39-го правила, что автор пытается уподобить переселению Кипрской Церкви эмиграцию митрополита Александра и части эстонского духовенства и мирян в 1944 г., то и эта аналогия оказывается крайне неудачной.

Она могла бы применяться в том случае, если бы вся или почти вся Эстонская Автономная Православная Церковь поднялась бы и эмигрировала из Эстонии; если бы при этом эвакуированная Эстонская Автономная Православная Церковь компактно обосновалась на какой-то территории; если бы затем Собор или, по меньшей мере, Священный Синод Константинопольского Патриархата в 1940-х гг. постановил, что перемещение митрополита Александра, 22 священнослужителей и множества мирян Эстонской Автономной Православной Церкви за пределы ее канонической территории следует рассматривать как перемещение *церковного тела* по аналогии с Кипрской Церковью, а Предстоятели Поместных Церквей согласились бы с этим; если бы, наконец, находясь в эмиграции, эстонская диаспора продолжала бы жить по прежнему Уставу Эстонской Автономной Православной Церкви, «исполняя явным образом условия» (т. е. созывая Соборы, избирая на них митрополитов Эстонской Автономной Православной Церкви и составы ее Синодов). В этом случае можно было бы говорить, что «церковное тело существует как таковое».

Однако, как хорошо известно, все было иначе. Жители Эстонии различных национальностей (в том числе и заметная часть русскоязычного населения) оказались после эмиграции рассеянными в разных странах. Правление Эстонской Автономной Православной Церкви — ее Синод, как уже упоминалось выше, весь, за исключением одного мирянина, остался на родине и воссоединился с Матерью Церковью. Да и в местах сравнительно компактного проживания наших православных эстонских братьев за рубежом сами

они осознавали себя новообразованной церковной общностью, свидетельствуя, что «митрополит Александр, оказавшись после Второй мировой войны в изгнании, терпеливо собирал осколки нашей Церкви, бежавшие на Запад, и *построил из них новую организацию* (курсив наш. — Н. Б., И. П.), которая основывалась на уставных положениях, разработанных под его личным руководством»¹⁴⁸. Никаких канонических актов, узаконивающих существование Эстонской Автономной Православной Церкви в том же статусе, что и на своей канонической территории, Константинопольским Патриархатом, насколько нам известно, издано не было. Более того, преемник митрополита Александра уже носил титул епископа Равеннского, а после него и вовсе для эстонской диаспоры не поставлялись архиереи. Учитывая все сказанное, нам остается признать, что, уподобляя Эстонскую Церковь Кипрской, архимандрит Григорий следует какой-то лишь ему одному внятной логике, которую он не сумел донести даже до самых внимательных читателей его труда.

Возможно, предвидя такое непонимание, автор в другой своей статье, помещенной в той же книге, смело заявляет, что «многочисленные события в истории Русской Церкви показывают, что (ею. — Н. Б., И. П.) святое Предание Церкви так и не было воспринято в полной мере» (С. 162). Одним из объяснений такого плохого усвоения Священного Предания архимандрит Григорий считает то обстоятельство, что Русская Церковь «относительно поздно» образовалась внутри православия.

Печально читать эти строки, которые бросают тень разве что на репутацию нашего профессора. Как можно такое говорить о Церкви, украшенной подвигом величайшего в истории сонма новомучеников и исповедников, о Церкви, исторический путь которой изобилует шедеврами церковного зодчества, непревзойденными памятниками иконописи? Каким образом Церковь, «не воспринявшая в полной мере» Священного Предания, сама смогла внести в это Предание огромный вклад, вскормив и вырастив сонм подвижников, предстающий нашему взору во всем многообразии: святители и преподобные, мученики и страстотерпцы, Христа ради юродивые, благоверные и праведные? Сколько из них было церковных писателей, поучения и письменные творения которых стоят в одном ряду с трудами святых отцов и учителей Церкви? Вспомним хотя бы имена прп. Серафима Саровского, святителей Тихона Задонского, Димитрия Ростовского, Филарета Московского, Игнатия (Брянчанинова), Феофана Затворника — это лишь немногие светильники Русской Православной Церкви, чье письменное наследие — ценнейший вклад в сокровищницу Священного Предания. Самое же печальное — столь недуманные и оскорбительные высказывания сеют рознь в семье православных народов, заставляя иных думать, что «эллины» никогда не перестанут свисока поглядывать на «варваров».

Есть в книге и другие попытки очернения нашей Церкви и ее иерархии. Вновь указывая на «отсутствие церковной и канонической практики первого тысячелетия в Русской Церкви», автор призывает «вспомнить некоторые заявления представителей церковной власти России об отживших канонах, которые якобы не соответствуют более современным требованиям». Давайте,

вспомним! Быть может, отец Григорий считает представителями «церковной власти России» тех раскольников-обновленцев, которых, к глубокому сожалению, поддерживали в их противостоянии законному и святому Патриарху-исповеднику Тихону по крайней мере два исторических деятеля Константинопольского Патриархата — Патриархи Григорий VII и Василий III?¹⁴⁹ Если же говорить о представителях законного священноначалия, то нам такие заявления неизвестны.

Увы, вся книга архимандрита Григория пронизана презрительным, высокомерным отношением к Русской Церкви и России. О них не находится у автора ни одного доброго слова. Как будто выслуживаясь перед некими заказчиками, он старается представить в наиболее устрашающем и омерзительном виде восточного соседа Эстонии.

«Стратегии поведения» Русской Церкви, по его мнению, «вызваны скорее аффективными историческими рефлексамми и скрытой тоской по верховной власти, чем действительным гео-церковным положением» (С. 158). Русская Церковь «неистовствует» (С. 153), «торгуется» (С. 205); в отличие от «сверхнационального духа Константинополя» имеет дух «этноцентрический и ирредентистский» (С. 188); она, как и другие «национальные Церкви», только «трубит о своей верности церковной традиции». В то время как «доминанта утонченной теологической парадигмы характерна для Константинопольского Вселенского Патриархата» (С. 235); она, Русская Церковь, проявляет «недостаток богословской зрелости и канонического чутья» (С. 189), «тоскует о прошлой славе и пытается получить доступ к власти» (С. 233), «требует признания своих традиционных суверенных прав над русским народом, несмотря на то что этот народ не давал ей на то полномочий»¹⁵⁰; «пытается возродить архаичные структуры и концепции» (С. 224), «бесконтрольно навязывает всем свои взгляды» (С. 225)... И все это в дополнение к тем многочисленным обвинениям, которые мы уже разбирали выше. Редкостный по концентрации сгусток ненависти.

Но вот автор упоминает об истории борьбы греческого народа за свою свободу против Оттоманской империи. Уж тут-то, кажется, нельзя не упомянуть о России в положительном ключе? Нет, все затеяно исключительно с целью подчеркнуть, что греки бились за «ту самую свободу, о которой мечтали народы Прибалтики пятьдесят советских невольных лет», а вот Меттерних, великие державы и — о, какой убийственный сарказм! — «конечно же, совершенно случайно, Россия» (С. 151) предали греков, солидаризуясь с такой же великой державой — Оттоманской империей. Да, действительно, был в нашей истории момент, когда император Александр I прислушался к уговорам австрийского князя Меттерниха. И больше ничего не вспоминается нашему брату. Как будто и не были пролиты реки крови русских воинов в русско-турецких войнах XVIII–XIX вв., поэтапно приближавших полное освобождение Греции. Как и не бывало того, что император Николай I стряхнул с российской политики иго Меттерниха и добился от великих держав (Англии и Франции), заключивших договор с Россией, требования от султана прекращения резни греков. Как и не было великих, кровью оплаченных

побед русского флота, благодаря которым и признала Турция независимость Греции в Адрианопольском мирном договоре. Как и не был первым главой независимой Греции воспитанник Российской империи и бывший ее министр иностранных дел граф Иоанн Каподистрия.

Стыдно. Хорошо, однако, что нам доподлинно известно: подавляющее большинство единоверного нам греческого народа вовсе не разделяет подобного беспамятства и подобного отношения к России и к Русской Церкви.

Наш разбор книги профессора канонического права архимандрита Григория Д. Папатомаса, декана Свято-Платоновской православной богословской семинарии, представляется уместным завершить цитатой из этого труда: «Известный русский богослов Георгий Флоровский говорил, что тот, кто не знает истории, не может заниматься богословием. Я бы лично добавил, не только богословием, но и каноническим Преданием» (С. 161). Нам нечего добавить к этим словам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Образовательное учреждение церковной структуры Константинопольского Патриархата в Эстонии.
- ² *Arhimandriit Grigorios D. Papathomas. Õnnetus olla väike kirik väikesel maal: Teoloogiline tõde Eesti Õigeusu Kiriku kohta / Григорий Д. Папатомас, архим.* Несчастье быть маленькой Церковью в маленькой стране: Богословская правда о православной Церкви Эстонии. Таллин: Изд-во Свято-Платоновской православной богословской семинарии, 2007. 240 с. Эстонская и русская части билингвы не вполне тождественны: в первую включена также ранее публиковавшаяся на французском языке статья «Различные канонические модальности осуществления юрисдикции Вселенского Константинопольского Патриархата» (1995 г.). Мы ограничиваем наш анализ теми статьями, которые включены в русскую часть издания.
- ³ Выступление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на 22-м заседании наблюдательного, общественного и попечительского советов по изданию «Православной энциклопедии». 29 апреля 2010 г. (Официальный сайт Русской Православной Церкви: www.patriarchia.ru/db/text/1149679.html).
- ⁴ Официальный сайт МВД Эстонии: www.siseministeerium.ee/statistics/. Данные за 2008 г.; более поздней статистики на сайте не имеется. Численность последователей Эстонской Евангелическо-лютеранской Церкви здесь определена в 180 тыс. верующих.
- ⁵ В период 1940–1944 гг. Эстонию покинули 70–80 тыс. человек (*Eesti Vabariik 90. Sündmused ja arengud. Tallinn, 2008*).
- ⁶ В 1941 г. было репрессировано свыше 9 тыс. человек, а в 1949 г. — 20 723 человека (см. там же). Следует, однако, отметить, что репрессии в первую очередь коснулись русской белой эмиграции.
- ⁷ Термин происходит от греческих слов ἔθνος — «народ» и φύλον — «род, колено, племя». Интересно, что филетизм как ектлезисологическая ересь, представляющая собой националистическое искажение церковного сознания, был в прошлом осужден именно Константинопольским Патриархатом на Соборе в 1872 г., созванном по поводу неканонического отделения Болгарской Церкви от Царьградского престола.
- ⁸ Закон об иностранцах был принят 8 июля 1993 г. и вступил в силу 12 июля.

- ⁹ Обращение членов данной группы, датированное 29 апреля 1993 г., хранится в архиве Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата.
- ¹⁰ Письмо Патриарха Константинопольского Варфоломея Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II от 3 сентября 1995 г. (Архив Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата (далее — Архив ОВЦС). Константинопольская Православная Церковь. Переписка с Патриархом, 1995, ч. 3, л. 99).
- ¹¹ Более того, ректор Санкт-Петербургской Духовной академии епископ Выборгский Иоанн (Соколов), ревизовавший в XIX в. Рижскую духовную семинарию, рекомендовал обстоятельно изучать в ней историю латышей и эстов, чтобы «через приходских священников *развивать в них национальное сознание* (курсив наш.— Н. Б., И. П.)» (*Алексий, Патриарх Московский и всея Руси*. Православие в Эстонии. М., 1999. С. 350).
- ¹² Устав Эстонской Апостольской Православной Церкви. Таллин, 1935. С. 2 (§ 2).
- ¹³ Архимандрит Григорий утверждает, что в 1030 г. в Эстонии действовали византийские миссионеры. Ссылка на источник информации звучит неопределенно: «По данным Эстонского национального исторического архива» (С. 157). По всей вероятности, имеется в виду расположенный в Тарту Исторический архив (Ajalooarhiiv), который является подразделением Национального архива (Rahvusarhiiv). Мы также обнаружили в данном архиве немало полезных документов, которые цитируются в настоящей работе. Все они приводятся с указанием архивных шифров соответствующих единиц хранения, что позволяет любому исследователю проверить точность приводимых цитат. К сожалению, отец Григорий в своей книге не дает никаких ссылок на конкретные архивные документы, что весьма затрудняет верификацию. Согласно полученному ответу главного специалиста Ajalooarhiiv Т. К. Шор, проработавшей в этом учреждении более 30 лет, «наш архив начинается с 1240 г. (документ хранится в фонде «Эстляндское дворянство»), древнейшие документы православной Церкви относятся к началу XVIII в. (Тартуская Успенская церковь)» (электронное письмо Т. К. Шор от 18 октября 2010 г.). Похоже, в труде архимандрита Григория мы имеем дело в данном случае с недобросовестной или непроверенной информацией.
- ¹⁴ Об этом см., например: *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси*. Православие в Эстонии. С. 166–169, 252–254, 291.
- ¹⁵ Защищена в Ленинградской Духовной академии в 1984 г.
- ¹⁶ *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси*. Православие в Эстонии. Книга была переведена на эстонский язык и дополнена заключительной главой от редакции (*Patriarh Aleksius II. Õigeusk Eestimaal*. Tallinn, 2009).
- ¹⁷ *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси*. Православие в Эстонии. С. 207.
- ¹⁸ Там же. С. 271.
- ¹⁹ Там же. С. 213.
- ²⁰ Там же. С. 313. Это, впрочем, не мешало историку Э. Янсону именно лютеранско-немецкие школы признавать в качестве эстонских народных, игнорируя православные, как если бы их не существовало. О преподавании на родном языке см. также с. 362–363.
- ²¹ Письмо члена Священного Синода митрополита Владимирского Сергия уполномоченному епископскому совету в Таллине П. И. Сепцу с сообщением решения о даровании автономии Эстонской Православной Церкви от 28 июня 1920 г. // *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси*. Православие в Эстонии. С. 530–531.
- ²² См.: Письмо Патриарха Московского и всея России Тихона Синоду православной Церкви Эстонии от 25 октября 1920 г. (Ajalooarhiiv — Эстонский исторический архив, Тарту (далее — ЭИА), ф. 1655, оп. 3, д. 248, л. 90–90 об.).
- ²³ См.: Указ Патриарха Московского и всея России Тихона Эстонскому епископскому совету от 9 декабря 1919 г. (ЭИА, ф. 1655, оп. 3, д. 248, л. 92–92 об.). См. также: Письмо Патриарху Московскому и всея России Тихону от имени собора духовенства и мирян Эстонии от 16 февраля 1920 г. (Там же, л. 94).

- ²⁴ См.: Письмо Эстонского епископского совета Патриарху Московскому и всей России Тихону от 14 мая 1920 г. (Там же, л. 86–86 об.); Письмо Синода автономной Апостольской Православной Церкви Эстонии Патриарху Московскому и всей России Тихону от 24 сентября 1920 г. (Там же, л. 48–48 об.).
- ²⁵ См.: Письмо Патриарха Московского и всей России Тихона в епископский совет Эстонии от 17 июня 1920 г. (Там же, л. 74).
- ²⁶ См.: Ответ Секретного отдела Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности на запрос Патриарха Московского и всей России Тихона о разрешении поездки в Ревель. 17 июня 1920 г. (Там же, л. 77).
- ²⁷ Письмо Патриарха Московского и всей России Тихона архиепископу Ревельскому и всей Эстонии Александру от 4 февраля 1921 г. (Там же, д. 266, л. 9).
- ²⁸ Ярким свидетельством такого давления может служить депеша латвийского посла в Эстонии Я. Сескиса министру иностранных дел Латвии З.-А. Мейеровицу от 23 декабря 1923 г., в которой содержится своеобразный обмен опытом по достижению государственных задач в области церковной жизни: «Было бы очень желательным, чтобы православные Церкви в балтийских странах стали бы национальными, оторванными от Москвы... Президент Эстонии Пятс думает, что наш Иоанн не такой уж неуступчивый, его можно будет заинтересовать возможностью занять почетное и материально обеспеченное положение. Правительство должно показать свой интерес в решении этого вопроса и изменить ситуацию» (*Гаврилин А. В.* Архипастырский путь Иоанна Гарклавса. Православные латыши: введение во храм // *Русский мир и Латвия. Seminarium hortus humanitatis: Альманах XXI.* Рига, 2010. С. 43. Электронная версия: www.intelros.ru/pdf/rus_mir_i_lat/2010/01/04.pdf). Однако достигнуть этой цели в Латвии удалось лишь в 1936 г., после убийства все же оказавшегося «неуступчивым» до конца сщмч. митрополита Иоанна (Поммера), отказа властей в разрешении на проведение Собора Латвийской Православной Церкви в течение полутора лет и замены по требованию МВД Латвии почти всего состава Синода Латвийской Православной Церкви на угодных лиц, а также изменения Устава Латвийской Православной Церкви (*Гаврилин А. В.* Латвийская Православная Церковь в тридцатых годах XX века // *Церковь и время.* 2003. № 22. С. 173–177; *Феофан (Пожидаев), игум.* Священномученик Иоанн, архиепископ Рижский. Рига, 2004. С. 54–56).
- ²⁹ Цит. по: *Põld A., r. p.* History of the Orthodox Church of Estonia // *The Autonomous Orthodox Church of Estonia / L'Eglise autonome orthodoxe d'Estonie: Approche historique et nomocanonique / Archim. Grigorios D. Papathomas, r. p. Matthias H. Palli.* Athenes, 2002. P. 276.
- ³⁰ Письмо приходского совета Печерского храма в честь 40 мучеников Синоду Эстонской Апостольской Православной Церкви от 16 сентября 1940 г. (ЭИА, ф. 1655, оп. 3, д. 416, л. 67).
- ³¹ Письмо графини Софии Стенбок архиепископу Рижскому и всей Латвии Иоанну от 19 ноября 1923 г. ЛГИА. Ф. 7131. Оп. 1. № 26. Л. 240–241 // Из архива св. священномученика архиепископа Рижского и Латвийского Иоанна (Поммера). Письма и другие документы / Сост. Ю. Сидяков. Т. 1 / *Seminarium hortus humanitatis: Альм. XIV.* Рига, 2008 (электронная версия: shh.neolain.lv/seminar23/sidu%20setiri.htm).
- ³² *Τόμος τοῦ 1923* // *The Autonomous Orthodox Church of Estonia...* P. 47–50. Благодарим отца Григория за интересное наблюдение: он подметил достойную внимания параллель между признанием Эстонии в 1923 г. США и непосредственным после этого принятием Эстонской Православной Церкви в юрисдикцию Константинопольского Патриархата (С. 157). Есть над чем задуматься. Впрочем, по имеющимся данным, посредниками в переговорах эстонских властей с Константинополем выступали англичане (см.: Докладная записка о православной миссии в освобожденных областях России (1942?) (ЭИА, ф. 1655, оп. 3, д. 416, л. 101).

- ³³ Любопытны замечания, которые в связи с этим митрополит Антоний (Храповицкий) высказывал в письме 1923 г. к Святейшему Патриарху Тихону: «В Царьграде мой недавний друг Мелетий оказался вторым Несторием. Вероятно, вы получили их декреты, совершенно разрушающие православные каноны. Греки, впрочем, уже изгнали Патриарха-масона, избив его до полусмерти... Декреты... (направлены на) несомненный и решительный раскол в православных Церквах...» (Письмо Святейшему Патриарху Тихону от Архиерейского Синода за границей // История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933): Материалы конференции. Г. Сэнтендре (Венгрия), 13–16 ноября н. ст. 2001 г. / Русская Церковь. XX век. Кн. 1. Мюнхен, 2002. С. 552).
- ³⁴ The Autonomous Orthodox Church of Estonia... P. 117.
- ³⁵ См., например: Письмо графини Софии Стенбок архиепископу Рижскому и всея Латвии Иоанну от 19 ноября 1923 г.
- ³⁶ Доклад о деятельности приходского совета (Александро-Невского храма в Ревеле) за истекший со времени его избрания период. 6 мая 1924 г. (ЭИА, ф. 1655, оп. 3, д. 1138, л. 38).
- ³⁷ Там же, л. 38 об.
- ³⁸ Protokoll Sinodi kiriklisest 11 sept. 1923 a. (Там же, д. 133, лист без номера).
- ³⁹ Доклад о деятельности приходского совета (Александро-Невского храма в Ревеле) (Там же, л. 38 об.— 39).
- ⁴⁰ Põld A., r. p. History of the Orthodox Church of Estonia // The Autonomous Orthodox Church of Estonia. P. 281.
- ⁴¹ Письмо протоиерея П. Пяхкеля архиепископу Рижскому и всея Латвии Иоанну (Поммеру) от 25 ноября 1925 г. ЛГИА, ф. 7131, оп. 1, № 27, л. 58–61 // Из архива св. священномученика архиепископа Рижского и Латвийского Иоанна (Поммера) (Электронный ресурс: shh.neolain.lv/seminar23/sidu%20estonia.htm).
- ⁴² Обращение к премьер-министру Эстонской Республики (ЭИА, ф. 1655, оп. 3, д. 416, л. 152); Обращение к президенту Эстонской Республики приходского совета Печерской Сорокамученической церкви от 9 апреля 1940 г. (Там же, л. 155–155 об.); Письмо митрополита Таллинского Александра (члену Государственного собрания В. Рославлеву от 19 апреля 1940 г. (Там же, л. 156–156 об.).
- ⁴³ Siseministri otsus 21. detsembrist 1934 (ЭИА, ф. 1655, оп. 3, д. 416, л. 148).
- ⁴⁴ Собор православной Церкви Эстонии (13–16 июня 1922 г.). Речь (депутата от Ревельского Николаевского прихода) В. А. Чумикова. Вырезка из газеты «Последние известия» (ЭИА, ф. 1655, оп. 3, д. 11, лист без номера).
- ⁴⁵ Eesti Ar.-Õigeusu Kiriku (liidu) põhikiri. Tallinn, 1926. Lk. 2 (§ 1).
- ⁴⁶ Устав Эстонской Апостольской Православной Церкви. Таллин, 1935. С. 7 (§ 29).
- ⁴⁷ Письмо митрополита Таллинского Александра Патриарху Московскому и всея России Тихону от 12 декабря 1923 г. (ЭИА, ф. 1655, оп. 3, д. 258, л. 127).
- ⁴⁸ Расписка в получении письма митрополита Александра, данная Патриархом Тихоном 6 февраля 1924 г. (Там же, д. 422, л. 1).
- ⁴⁹ Письмо епископа Нарвского Павла митрополиту Таллинскому Александру от 13 ноября 1940 г. (Там же, д. 416, л. 123).
- ⁵⁰ Отношение из Литовского епархиального совета в приходской совет Сорокамученической церкви (Печоры) от 7 сентября 1940 г. (Там же, л. 72–72 об.).
- ⁵¹ Отношение из Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви в Нарвский епархиальный совет от 25 сентября 1940 г. (Там же, оп. 2, д. 2629, л. 2).
- ⁵² В своем выступлении на заседании Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви митрополит Александр свидетельствовал, что это обещание неукоснительно исполнялось: «Митрополит Эстонской Церкви всегда поминал Московского Патриарха Тихона» (Протокол заседания Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви от 17 января 1941 г. (Там же, оп. 3, д. 422, л. 12)). Однако имеются противоположные свидетельства об отмене Синодом Эстонской Апостольской Православной Церкви поминовения имени Патриарха Тихона (Доклад о деятельности

- приходского совета [Алекса́ндро-Невского храма в Ревеле] за истекший со времени его избрания период. 6 мая 1924 г. (Там же, д. 1138, л. 38–38 об.).
- ⁵³ Письмо митрополита Александра Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Сергию от 10 ноября 1940 г. // *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси*. Православие в Эстонии. С. 545. О направлении этого письма митрополит Александр известил епископа Нарвского Павла письмом от 18 ноября 1940 г. (ЭИА, ф. 1655, оп. 3, д. 416, л. 123 об.).
- ⁵⁴ Письмо Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия митрополиту Александру от 13 декабря 1940 г. // *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси*. Православие в Эстонии. С. 547.
- ⁵⁵ Протокол заседания Синода эстонской Апостольской Православной Церкви от 17 января 1941 г. (ЭИА, ф. 1655, оп. 3, д. 422, л. 12–12 об.).
- ⁵⁶ Свидетельство № 25 от 21 января 1941 г. (Там же, л. 13).
- ⁵⁷ Акт о присоединении из бывшей эстонской автокефалии к Матери Церкви Российской митрополита Александра // *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси*. Православие в Эстонии. С. 550–551; *The Autonomous Orthodox Church of Estonia...* P. 129.
- ⁵⁸ Указ Московской Патриархии митрополиту Литовскому и Виленскому Сергию, экзарху Латвии и Эстонии, от 1 марта 1941 г. (ЭИА, ф. 1655, оп. 3, д. 416, л. 96).
- ⁵⁹ *Aleksander, mitropoliit*. Ringkiri (30.12.1942) // *The Autonomous Orthodox Church of Estonia...* P. 141–142; ср.: Письмо митрополита Таллинского Александра епископу Нарвскому Павлу от 30 июня 1942 г. (ЭИА, ф. 1655, оп. 2, д. 2629, л. 30–31).
- ⁶⁰ Это было ему прямо запрещено нацистским руководством (Der Generalkommissar in Reval an den Metropolitan Alexander. 28. Oktober. 1942 (Там же, д. 431, л. 228).
- ⁶¹ Предписание митрополита Таллинского Александра протоиерею Иоанну Богоявленскому от 14 октября 1941 г. (Там же, л. 18–18 об.). Ср.: циркулярное письмо митрополита Александра от 30 декабря 1942 г.: «3 сентября 1941 г. от полиции безопасности Германии и 10 сентября от руководителя самоуправления Эстонии мне было дано задание в качестве ответственного главы апостольской Церкви руководить религиозной жизнью православных в Эстонии» (*The Autonomous Orthodox Church of Estonia...* P. 148).
- ⁶² Письмо митрополита Литовского Сергия митрополиту Таллинскому Александру от 12 октября 1942 г. (ЭИА, ф. 1655, оп. 3, д. 431, л. 252).
- ⁶³ См.: Указ митрополита Литовского Сергия, экзарха Латвии и Эстонии, митрополиту Александру от 5 ноября 1942 г. (Там же, л. 270–273). Опубликовано: *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси*. Православие в Эстонии. С. 555–559.
- ⁶⁴ Письмо епископа Нарвского Павла протоиерею Иоанну Богоявленскому от 2 июня 1942 г. // *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси*. Православие в Эстонии. С. 552.
- ⁶⁵ В полном составе, за исключением Т. Грюнталя — единственного члена Синода, который эмигрировал за границу.
- ⁶⁶ См.: Воззвание архиепископа Нарвского Павла ко всем православным приходам ЭССР с их духовенством и верными чадами Церкви от 29 ноября 1944 г. // *The Autonomous Orthodox Church of Estonia...* P. 176.
- ⁶⁷ См.: Акт о воссоединении с Московской Патриархией русско-эстонского духовенства и мирян Эстонской епархии, самочинно отколовшихся от Матери Церкви Российской // *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси*. Православие в Эстонии. С. 561–563.
- ⁶⁸ *The Autonomous Orthodox Church of Estonia...* P. 199.
- ⁶⁹ Τόμος, от греч. τομή — «резание, сечение, разделение».
- ⁷⁰ *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси*. Православие в Эстонии. С. 531.
- ⁷¹ Τόμος τοῦ 1923 // *The Autonomous Orthodox Church of Estonia...* P. 47–48.
- ⁷² Не сомневается в нем и нынешний Вселенский Патриарх: «Мы полностью согласны с вашим утверждением, что посредством этого томоса (1923 г.— *Н. Б., И. П.*) автономия была не впервые дарована, а *вновь благословлена*, так как “Блаженнейшим

- Патриархом Московским и всея Руси господином Тихоном святая Православная Церковь Эстонии уже была выделена в автономную» (Письмо Патриарха Константинопольского Варфоломея Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II от 3 сентября 1995 г. (Архив ОВЦС. Константинопольская Православная Церковь. Переписка с Патриархом. 1995, ч. 3, л. 54)).
- ⁷³ II Вселенского Собора правило 2: «Не быв приглашены, епископы да не переходят за пределы своей области для рукоположения или какого-либо другого церковного распоряжения».
- ⁷⁴ Межправославная подготовительная комиссия. Православный центр Вселенской Патриархии (Шамбези, 9–17 декабря 2009). Автономия и способ ее провозглашения: Одобренный текст, л. 2 (Архив ОВЦС). См. также: Завершилась работа Межправославной подготовительной комиссии (Русская Православная Церковь. Официальный сайт Отдела внешних церковных связей: www.mospat.ru/ru/2009/12/17/news10309/).
- ⁷⁵ См.: The Autonomous Orthodox Church of Estonia... Р. 180–181.
- ⁷⁶ Указ уполномоченного Московской Патриархии архиепископа Псковского и Порховского Григория председателю Нарвского епархиального совета протоиерею И. Богоявленскому от 7 марта 1945 г. (Архив ОВЦС, д. 91, 1945, л. 12).
- ⁷⁷ Совещание архиепископа Псковского и Порховского Григория, временно управляющего Ленинградской епархией, с членами так называемого Синода Эстонской Православной Церкви. 5 марта 1945 г. (Там же, л. 4–9).
- ⁷⁸ См.: Õigeusu Kiriku põhiviiside noodiraamat: Õhtuse ja hommikuse jumalateenistuse laulud segakoorile / koostanud ülemp. Chr. Vink. Tallinn, 1951. Таким образом были продолжены труды Русской Православной Церкви по переводу богослужебных книг на эстонский язык, начатые в дореволюционный период, когда при содействии Священного Синода были изданы переводы всего основного их корпуса. См., в частности, выявленные архивные дела 1907–1911 гг. об издании эстонских переводов Постной Триоди (по ходатайству святителя Агафангела (Преображенского), в то время архиепископа Рижского и Митавского), Цветной Триоди и нотного сборника песнопений в переложении священника Васильева (РГИА, ф. 799, оп. 8, д. 175 (в настоящее время утрачено), 654, 697).
- ⁷⁹ Постановления Священного Синода // Журнал Московской Патриархии (далее — ЖМП). 1992. № 10. Официальная хроника. С. III.
- ⁸⁰ Томос Алексия II, Патриарха Московского и всея Руси, епископу Таллинскому и всея Эстонии Корнилию // *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси*. Православие в Эстонии. С. 576–578.
- ⁸¹ Последнее обвинение адресовано вообще «национальным православным Церквам», т. е., видимо, всем, кроме Константинопольского Патриархата.
- ⁸² *Στέφανος, αρχιεπίσκοπος Ταλλίνης και πάσης Εσθονίας*. Οι σχέσεις μας με το Πατριαρχείο Μόσχας // Το Βήμα. 2006. 05.03.
- ⁸³ Помета принадлежит митрополиту Стефану. Видимо, таким образом высокопреосвященный автор старается выразить свое ироническое отношение к многовековым трудам Русской Православной Церкви по возделыванию православия в Эстонии.
- ⁸⁴ Там же. С. 152. Цитата из статьи митрополита Стефана приведена отцом Григорием в искаженном виде. Опущены слова митрополита Стефана: «которая *устами в то время митрополита Таллинского (1961/68–1986), а ныне Патриарха Московского Алексия* безо всяких обиняков заявила...». Вторая половина мнимой цитаты начинающаяся со слов: «Эта фраза...», — согласно книге отца архимандрита также являющаяся частью той же статьи, в газете отсутствует и представляет, видимо, текст самого профессора Папатомаса, приписанный митрополиту Стефану.
- ⁸⁵ Там же. С. 152–153.
- ⁸⁶ «...αιωνιστικού συστήματος...».
- ⁸⁷ *Κορνήλιος, μητροπολίτης Τάλιν και πάσης Εσθονίας*. Η Ορθοδοξία στην Εσθονία με τα μάτια ενός Εσθονού // Το Βήμα. 2006. 01.07. Полную версию статьи, сокращенной

- при публикации в греческой газете, см.: *Корнилий, митрополит Таллинский и вся Эстония*. Православие на эстонской земле глазами ее уроженца // Мир православия (Таллин). 2006. № 6(99).
- ⁸⁸ *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси*. Православие в Эстонии. С. 430; *Прекуп И., свящ.* Православие в Эстонии... С. 27, 29.
- ⁸⁹ *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси*. Православие в Эстонии. С. 452–455.
- ⁹⁰ Там же. С. 539–543.
- ⁹¹ Там же. С. 566–574.
- ⁹² Эта награда установлена для граждан других государств, имеющих особые заслуги перед Эстонией.
- ⁹³ *Чапкин С. В.* Святейший Патриарх на эстонской земле // Церковный вестник. 2003. № 19(272) (электронная версия: www.tserkov.info/numbers/patriarch/?ID=651); *Иаранжа Е.* Орден за содействие независимости // Молодежь Эстонии. 2003. 30 сентября (электронная версия: www.moles.ee/03/Sep/30/2-1.php).
- ⁹⁴ *Тамм М.* Tallinn saab patriarh Aleksius II väljaku // Postimees. 2008. 08. detsember (электронная версия: www.tallinnapostimees.ee/?id=56145; rus.postimees.ee/081208/glavnaia/estonija/tallinn/45362.php).
- ⁹⁵ Интересно, что все это не мешает о. Григорию ревностно обвинять Русскую Церковь в сотрудничестве с правительством (С. 149).
- ⁹⁶ Устав Эстонской Апостольской Православной Церкви. С. 2 (§ 2).
- ⁹⁷ Любопытно, что инославные организаторы венского симпозиума «Солидарность и справедливость: Экуменическая перспектива» (ноябрь, 2005), перед которыми отец Григорий высказывал эти весьма смелые предложения, наотрез отказались включить текст соответствующего доклада в изданный ими сборник материалов. На это не преминул пожаловаться митрополит Стефан в предисловии к книге (С. 142).
- ⁹⁸ Указанное положение в уставе Кипрской Церкви, действовавшем с 1979 по 2010 г., сформулировано так: «Членами полноты православной Кипрской Церкви являются все постоянно пребывающие на Кипре православные христиане и те, кто, имея кипрское происхождение и будучи крещены в Православной Кипрской Церкви, проживают в чужих землях» (Ὁ Καταστατικὸς Χάρτης τῆς Ἀγιωτάτης Ἐκκλησίας τῆς Κύπρου. Λευκωσία, 1979. ἄρθρον 2).
- ⁹⁹ В сентябре 2010 г. принята обновленная редакция Устава Кипрской Церкви, в которой упомянутая статья отсутствует. Ее место заняли слова: «Кипрская Церковь состоит из всех проживающих на острове Кипре православных христиан» (Καταστατικὸς Χάρτης τῆς Ἀγιωτάτης Ἐκκλησίας τῆς Κύπρου. Λευκωσία, 2010. ἄρθρον 1.2).
- ¹⁰⁰ Думается, что все эти обстоятельства не могут быть неизвестны отцу Григорию. Скорее всего, упоминание о Кипрской Церкви понадобилось в тактических видах — для того чтобы как-то разбавить огромный объем необоснованной критики в адрес Церкви Русской и создать впечатление объективности. Не с целью ли «расплатиться» с Кипрской Церковью за эту маленькую хитрость отец архимандрит решил «подправить» ее место в диптихе, заявив, что сегодня она «необоснованно занимает одиннадцатое место», хотя в древности имела шестое место среди автокефальных Церквей? (С. 182). Весьма удивительно, что профессор канонического права допускает столь грубые ошибки, — в действительности Кипрская Церковь стоит в диптихе на десятом месте. Правда, в другой статье автора книги (С. 107; только на эстонском языке) Кипрская Церковь фигурирует все же на 10-м месте, которым действительно и обладает. Безотносительно к этой ошибке поразительна и смелость суждений архимандрита Григория, который бросает вызов устоявшейся системе межправославных взаимоотношений, заявляя, что, по его личному мнению, не совпадающему с разумом Церкви, 5 Патриархов должны «подвинуться», ибо их место в диптихе, освященное длительной традицией, необоснованно.
- ¹⁰¹ Мы смогли найти единственный случай использования этого словосочетания в выступлении на научной конференции, не претендовавшем на изложение официальной позиции. Причем речь шла о защите общих интересов православной Церкви

- в контексте диалога с католиками, см.: *Иларион (Алфеев), еп.* Принцип «канонической территории» в православной традиции: Доклад на международном симпозиуме на тему «Территориальный и персональный принципы в церковном устройстве», состоявшемся в Будапештском католическом университете 7 февраля 2005 года (электронная версия: hilarion.ru/2010/02/25/1048).
- ¹⁰² Письмо митрополита Мелитона митрополиту Кириллу от 27 мая 2004 года. См.: Переписка о некоторых высказываниях, прозвучавших на VIII Всемирном Русском Народном Соборе 3–4 февраля 2004 года. Официальный сайт Московского Патриархата: www.mospat.ru/archive/official-correspondence/210. Полный текст см.: Γράμμα τοῦ Σεβ. Μητροπολίτου Φιλαδελφείας κυρίου Μελίτωνος, Ἀρχιεραγματεύοντος τῆς Ἁγίας καί Ἱερᾶς Συνόδου, πρὸς τὸν Σεβ. Μητροπολίτην Σμολένσκ καί Καλλίνινγκραντ κύριον Κύριλλον, Πρόεδρον τοῦ Τμήματος ἐξωτερικῶν ἐκκλησιαστικῶν σχέσεων τοῦ Πατριαρχείου Μόσχας, σχετικῶς πρὸς τὴν σύγκλησιν τῆς 8ης Παγκοσμίου Συνάξεως τῶν Ρώσων μέ θέμα «Ἡ Ρωσσία καί ὁ Ὁρθόδοξος κόσμος» (электронная версия: website: www.ec-patr.org/docdisplay.php?lang=gr&id=29&tla=gr).
- ¹⁰³ Письмо митрополита Кирилла митрополиту Мелитону от 23 декабря 2004 г. // Переписка о некоторых высказываниях, прозвучавших на VIII Всемирном Русском Народном Соборе 3–4 февраля 2004 года (электронная версия: www.mospat.ru/archive/official-correspondence/210).
- ¹⁰⁴ *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси.* Русская Церковь никогда не пыталась диктовать другим свои условия, не вторгалась на каноническую территорию других Церквей, но, напротив, сама неоднократно становилась жертвой таких вторжений (официальный сайт Московского Патриархата: www.mospat.ru/archive/9114-2.html; *Ελευθεροτυπία.* 23/04/2005).
- ¹⁰⁵ ГИМ, Синод. собр., гр. № 339/198, л. 10; см. также: л. 9–9 об.; 10 об.— 11. Греческий оригинал соборного деяния (Πρόξις συνοδική) с подписями 3 Патриархов и 39 архиереев также хранится в Государственном Историческом музее. Опубликовано: *Фонкич Б. Л.* Акт Константинопольского собора 1593 г. об основании Московского Патриархата // *Cyrrillomethodianum.* Т. XI. Thessaloniki, 1987. Р. 9–31; *он же.* Греческие рукописи и документы в России в XIV — начале XVIII в. М., 2003. С. 385–399. Славянский перевод Епифания Славинецкого опубликован: Деяние Московского собора, бывшего в царских палатах в лето от создания мира 4398, от воплощения же Божия слова 4398 / Изд. Братства св. Петра митрополита, сделанное по подлинному списку соборного деяния. М., 1873. Л. 1 об.— 11 об.; русский перевод архимандрита Порфирия (Успенского): Деяние Константинопольского Собора 1593 года, которым утверждено патриаршество в России // *Труды Киевской духовной академии.* 1865. Т. 3. С. 237–248. Интересно отметить, кстати, что Патриарх Иов назван в грамоте «Всесвятейшим» (παναγιωτάτης) — Πρόξις συνοδική... Л. 10 об. То же титулование Московского Патриарха встречаем и в грамоте Патриарха Феофана 1619 г. (*Фонкич Б. Л.* Грамота Иерусалимского Патриарха Феофана об утверждении Московским Патриархом Филарета Никитича // *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи и документы в России в XIV — начале XVIII в. С. 404, 405), как и во многих других документах восточных Патриархов XVI–XVII вв.
- ¹⁰⁶ Северных (от греч. ὑπερβόρειος — «живущий за Бореем, на крайнем севере»; βόρειος — северный).
- ¹⁰⁷ *Кантрев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 2. Сергиев Посад, 1909. С. 141–142.
- ¹⁰⁸ *Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче. Ч. 2. М., 1822. С. 308–313.
- ¹⁰⁹ ГИМ, Синод. собр., гр. № 577/422, л. 18; опубликовано: *Богданов А. П.* Русские Патриархи (1589–1700): В 2 т. Т. 2. М., 1999. С. 297.
- ¹¹⁰ *Павлов А. Н.* Грамота Петра I Патриарху Адриану о взятии Азова // *Вестник церковной истории.* 2006. № 2. С. 240–242.

- ¹¹¹ ОР РНБ, Собр. Погодина, № 1115; РГИА, ф. 834, оп. 2, д. 1734.
- ¹¹² *Кантерев Н. Ф.* Сношения Иерусалимского Патриарха Досифея с русским правительством (1669–1707 гг.) // *Кантерев Н. Ф.* Собрание сочинений. В 2 т. Т. 1. М., 2008. С. 865. Ср.: С. 871, 874, 882, 885.
- ¹¹³ Там же. С. 882.
- ¹¹⁴ Там же. С. 882–883.
- ¹¹⁵ Там же. С. 863.
- ¹¹⁶ *Христофор, Папа и Патриарх Александрийский.* Алексею, Блаженнейшему Патриарху Московскому и всея Руси и Гиперборейских стран (приветствие по случаю 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви) // ЖМП. 1948. № 8. С. 24.
- ¹¹⁷ Доклад Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на Поместном Соборе Русской Православной Церкви (официальный сайт Московского Патриархата: www.patriarchia.ru/db/text/541724.html).
- ¹¹⁸ *Бородин О. Р., Гукова С. Н.* Географические знания // *Культура Византии: вторая половина VII–XII в. М., 1989. С. 341.* См. также: *Бибиков М. В.* Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. СПб., 1999. С. 132.
- ¹¹⁹ N. Chop. Hist. 129. 29–30. См.: *Бибиков М. В.* Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. Т. 1. М., 2004. С. 722; Т. 2. М., 2009. С. 499. За эти указания мы сердечно благодарим профессора М. В. Бибилова.
- ¹²⁰ *Бибиков М. В.* Byzantinorossica... Т. 1. С. 722.
- ¹²¹ Pleth. Geogr. 444. 10–12. См.: *Бибиков М. В.* Byzantinorossica... Т. 1. С. 723.
- ¹²² См.: *Bibikov M.* Byzantine Sources for the History of the Balticum and Scandinavia // Byzantino-Nordica 2004: Papers Presented at the International Symposium of Byzantine Studies, 7–11 May 2004 in Tartu, Estonia / Morgensterini Seltsi toimetus. II. Päll. Tartu: Tartu Univ. Press, 2005. P. 13.
- ¹²³ Ibid. P. 16.
- ¹²⁴ Ibid. P. 23.
- ¹²⁵ В прошедшем в Москве праздновании принимали участие делегации Константинопольской Церкви во главе с митрополитом Фиатирским Германом, Антиохийской — во главе с митрополитом Эмесским Александром, Грузинской — во главе с Католикосом-Патриархом Каллистратом, Сербской — во главе с Патриархом Гавриилом, Румынской — во главе с Патриархом Юстинианом, Болгарской — во главе с экзархом митрополитом Софийским Стефаном, Элладской — во главе с митрополитом Филиппийским Хризостомом, Албанской — во главе с епископом Корчинским Паисием, Польской во главе с архиепископом Белостокским Тимофеем.
- ¹²⁶ *Богданов А. П.* Русские Патриархи (1589–1700). Т. 1. С. 88–97.
- ¹²⁷ Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви от 8 ноября 2000 г. // ЖМП. 2000. № 12. С. 8.
- ¹²⁸ Томос об автокефалии Польской Православной Церкви, подписанный Патриархом Константинопольским Григорием VII, датирован 13 ноября 1924 г., за 3 дня до его смерти. Однако только 12 февраля 1925 г. Священный Синод Польской Православной Церкви вынес постановление, в котором благодарил Вселенского Патриарха «за отеческие заботы об устройстве православной Церкви в Польше». Томос же был доставлен в Варшаву лишь в сентябре 1925 г., когда и состоялось торжественное провозглашение автокефалии. Промежуток был заполнен переговорами о выдаче документа, которые вело Министерство иностранных дел Польши. «Цена вопроса» указана в отношении министра А. Скршынского к председателю Совета министров В. Грабскому от 20 ноября 1924 г., хранящемуся в Архиве актов новых в Варшаве: «Сумма 12 000 фунтов стерлингов, какую требует Фанар, есть окончательная, ниже которой сойти не удастся. В сравнении с достигнутым максимальным успехом нахожу, что сумма эта не является высокой, тем более что в подобных исторических положениях Фанар требовал сумм гораздо больших». 24 ноября 1924 г. требуемая сумма была выслана по назначению «с целью доведения до конца дарования

Фанаром благословения для автокефальной Церкви Православной в Польше» (Железнякович С., *протопр.* История Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря: В 3 т. Т. 3: Яблочинский монастырь в межвоенный, военный и послевоенный периоды до наших дней, 1918–1962. Варшава, 2009. С. 21). Провозглашенная таким образом автокефалия облегчила польскому правительству последующее закрытие и разрушение либо передачу католической Церкви в рамках «ревиндикации» сотен православных святынь.

¹²⁹ В противоположность этому новому и небывалому учению архимандрита Григория Блаженнейший преемник по Александрийской кафедре свт. Мелетия Пигаса, одного из инициаторов Собора 1593 г., три с половиной века спустя подчеркнуто именует Русскую Церковь «во всем равночестной четырем древним Восточным Патриархиям» (*Христофор, Папа и Патриарх Александрийский.* Алексию, Блаженнейшему Патриарху Московскому и всея Руси и Гиперборейских стран // ЖМП. 1948. № 8. С. 24).

¹³⁰ Позиция Московского Патриархата по этому вопросу была авторитетно представлена в ряде документов. См., в частности: Постановление Священного Синода Русской Православной Церкви от 22 февраля 1996 г. // ЖМП. 1996. № 3. С. 6–7; Телеграмма Патриарха Московского и всея Руси Алексия II Патриарху Константинопольскому Варфоломею от 22 февраля 1996 г. // Там же. С. 13–14; Постановление Священного Синода Русской Православной Церкви от 23 февраля 1996 г. // Там же. С. 8; Постановление Священного Синода Русской Православной Церкви от 23 февраля 1996 г. // Там же. С. 16; Послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия II Преосвященному Корнилию, архиепископу Таллинскому и всея Эстонии, пастырям, монашествующим и всем верным чадам Эстонской Апостольской Православной Церкви от 23 февраля 1996 г. // Там же. С. 17; Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви от 1 марта 1996 г. // Там же. № 4/5. С. 6–13; Определение Освященного Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о положении православной Церкви в Эстонии. 16 августа 2000 г. // Там же. 2000. № 10. С. 20 (электронный ресурс: www.mospat.ru/archive/s2000g29.htm); Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви от 8 ноября 2000 г. // ЖМП. 2000. № 12. С. 4–10 (электронный ресурс: www.mospat.ru/archive/sr011081.htm).

¹³¹ 3 и 22 апреля 1996 г. в Цюрихе состоялись переговоры по эстонскому вопросу, на которых были выработаны предложения, одобренные и принятые Священным Синодом Константинопольского Патриархата и Священным Синодом Русской Православной Церкви 16 мая 1996 г. В соответствии с этими предложениями православным клирикам и мирянам в Эстонии предоставлялась свобода выбора юрисдикционной принадлежности. Не определившись до того момента в своем выборе приходом предоставлялся 4-месячный срок на решение этого вопроса. Константинопольский Патриархат приостанавливал на это время применение решения от 20 февраля 1996 г. о возобновлении своей юрисдикции в Эстонии (Постановление Священного Синода Русской Православной Церкви от 16 мая 1996 г. // ЖМП. 1996. № 6. С. 2).

¹³² Здесь даже утверждается, что «Русская Православная Церковь никогда не искала этого соглашения» и что «соглашение не значит ничего».

¹³³ Журналом № 63 заседания Священного Синода Русской Православной Церкви от 11 августа 1992 г. подтверждено постановление Священного Синода и Высшего Церковного Совета Русской Православной Церкви 1920 г. о признании Эстонской Православной Церкви автономной. За основу ее устава предписано взять Устав Эстонской Апостольско-Православной Церкви 1935 г. с внесением изменений, соответствующих реальному положению Церкви в настоящее время. На заседании епархиального совета Православной Церкви Эстонии, состоявшемся 2 сентября 1992 г., это постановление было принято к сведению и в его русле было принято решение о восстановлении исторического названия «Эстонская Апостольская Православная

- Церковь». Заключительным аккордом этого процесса было вручение 29 апреля 1993 г. Патриархом Московским и всея Руси Алексием епископу Таллинскому и всея Эстонии Корнилию томоса о восстановлении автономии Эстонской Православной Церкви. Предложения со стороны представителей Эстонского государства регистрироваться в качестве епархии Русской Православной Церкви в Эстонии были справедливо отвергнуты по этой причине Эстонской Православной Церковью Московского Патриархата. См., например: Письмо митрополита Таллинского и всея Эстонии Корнилия премьер-министру Эстонской Республики М. Лару от 16 июля 2001 г. (официальный сайт Московского Патриархата: www.mospat.ru/archive/pr107201.htm).
- ¹³⁴ Коммюнике о переговорах делегаций Константинопольского и Московского Патриархатов в Цюрихе. 20 апреля 2001 г. (официальный сайт Московского Патриархата: www.mospat.ru/archive/nr104201.htm).
- ¹³⁵ Меморандум о встрече делегаций Вселенского Патриархата и Московского Патриархата. 26 марта 2008 г. (официальный сайт Московского Патриархата: www.mospat.ru/archive/40289.htm).
- ¹³⁶ ЖМП. 1996. № 6. С. 2.
- ¹³⁷ Ради того чтобы не обострять противоречий, мы не затрагиваем здесь ряд других вопросов, связанных с ненадлежащим исполнением Цюрихских договоренностей 1996 г., в частности злоупотребления, допущенные при определении юрисдикционной принадлежности некоторых приходов, неисполнение решений о попеременном служении в отдельных храмах.
- ¹³⁸ Сообщение службы коммуникации Отдела внешних церковных связей о позиции Московского Патриархата по эстонскому церковному вопросу в связи с переговорами между делегациями Московского и Константинопольского Патриархатов, прошедшими в Цюрихе. 16 мая 2008 г. (официальный сайт Московского Патриархата: www.mospat.ru/archive/40929.htm).
- ¹³⁹ Определение Освященного Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о положении православной Церкви в Эстонии. 16 августа 2000 г. // ЖМП. 2000. № 10. С. 20 (официальный сайт Московского Патриархата: www.mospat.ru/archive/s2000r29.htm).
- ¹⁴⁰ Коммюнике Генерального секретариата Священного Синода Вселенского Патриархата от 24 февраля 1996 г. (Архив ОВЦС. Константинопольская Православная Церковь. Переписка с Патриархом. 1996, л. 198; опубликовано: ЖМП. 1996. № 3. С. 14).
- ¹⁴¹ По сведениям архиепископа Таллинского и всея Эстонии Корнилия, министр по европейским делам Эстонии Эндель Липмаа 26 мая 1995 г. направил письмо Святейшему Патриарху Константинопольскому Варфоломею, в котором утверждал, что в Эстонии «все православные желают остаться постоянно в подчинении Константинополя» (Меморандум архиепископа Таллинского и всея Эстонии Корнилия от 19 февраля 1996 г. // Информационный бюллетень ОВЦС МП. 1996. № 4. С. 14–15).
- ¹⁴² Письмо Патриарха Константинопольского Варфоломея Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II от 24 февраля 1996 г. (Архив ОВЦС. Константинопольская Православная Церковь. Переписка с Патриархом. 1996, л. 152).
- ¹⁴³ Коммюнике Генерального секретариата Священного Синода Вселенского Патриархата от 24 февраля 1996 г. (Там же, л. 198).
- ¹⁴⁴ Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви от 8 ноября 2000 г. // ЖМП. 2000. № 12. С. 5–6 (официальный сайт Московского Патриархата: www.mospat.ru/archive/sr011081.htm).
- ¹⁴⁵ Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви от 8 ноября 2000 г. // ЖМП. 2000. № 12. С. 8 (официальный сайт Московского Патриархата: www.mospat.ru/archive/sr011081.htm).
- ¹⁴⁶ Эта работа ранее публиковалась автором на французском языке: Une solution conciliaire anticipée de la «question ecclésiastique orthodoxe» en Estonie // The Autonomous Orthodox Church of Estonia... P. 349–398.

- ¹⁴⁷ В происхождении митрополита Стефана, впрочем, усматривается действительный элемент сходства с цитируемым каноном Трульского Собора.
- ¹⁴⁸ Eesti Apostlik Ortodoksne Kirik eksilis 1944–1960. Stockholm, 1961. Lk. 24.
- ¹⁴⁹ Официальный представитель Святейшего Патриарха Мелетия IV (автора томоса 1923 г.) архимандрит Иаков сидел в президиуме раскольнического Первого Всероссийского съезда белого духовенства «Живая церковь» (6–17 августа 1922 г.). Следующий официальный представитель Константинопольского Патриарха в Москве архимандрит Василий (Димопуло) и вовсе состоял почетным членом обновленческого синода, служил в обновленческих храмах. Преемник Мелетия IV Святейший Патриарх Григорий VII в указаниях, данных учрежденной им комиссии для изучения состояния церковных дел в России, по итогам заседания Священного Синода 17 апреля 1924 г. рекомендовал «определенно опираться на церковные течения, верные правительству СССР», т. е. на обновленцев. Тот же Патриарх высказался в пользу отречения св. Патриарха Тихона от престола и упразднения патриаршества в России: «Полагаем необходимым, чтобы Святейший Патриарх Тихон ради единения расколовшихся и ради паствы пожертвовал собою, немедленно удалившись от церковного управления». Святейший Патриарх Василий III обращался к главе раскольников Вениамину (Муратовскому) со следующими словами: «Высокопреосвященнейшему митрополиту господину Вениамину, Председателю Священного Синода православной Российской Церкви, возлюбленнейшему во Христе брату и сослужителю» (см.: *Мазырин А., свящ.* Константинопольская Патриархия и обновленческий раскол (Научно-богословский портал Богослов.ru. 1 октября 2009 г.: www.bogoslov.ru/text/477054.html)). В Русской Церкви со скорбью вспоминают об этих темных страницах истории, но не делают на их основе недостойных обобщений, которые очерняли бы страдальческую Церковь-Матерь в целом и умаляли славу престола святителей Григория Богослова, Иоанна Златоуста и множества великих исповедников и защитников православия.
- ¹⁵⁰ В этом случае обвинение с Русской Церковью разделяет и Элладская, которая «идеологически настаивает на том, что быть греком равнозначно тому, чтобы быть православным», и даже Римско-католическая Церковь в Евросоюзе, которая, вместо того чтобы заниматься рехристианизацией Европы, «настаивает на том, что христианская идентичность является неотъемлемым элементом европейской самоидентификации».